

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОВЫМ-84

6 ИЮНЬ

Экспедиция в преисподнюю

Сказка

С. ЯРОСЛАВЦЕВ

Рисунки
Е. Стерлиговой

Глава первая

Прекрасен и обычен на планете Земля и в ее окрестностях был день 15 июля 2222 года нашей эры, от начала же Великой Революции 305-го.

Отерли с чела трудовой пот запыхавшиеся атмосферники, погасившие на середине истребительного пути коварный тайфун «Машенька».

На плодородных отмелях Гельголандской бухты открыли новую плантацию вкуснейших ракушек «глория мунди».

В нескольких градусах от Южного полюса буровики выдавили из недр стотысячную тонну таинственной мантийной пасты.

В скромной сторожке на берегу речки Бикин в дебрях Уссурийского заповедника медики, историки и школьники чествовали одиннадцатого человека, прожившего без усталости три столетия.

Замяукали и жалостно закричали сотни тысяч новорожденных, будущих врачей, учителей и воспитателей, мастеров, ученых и спортсменов — чего только не бывает! — великих писателей, художников и философов.

В городе-парке на Марсе молодая мама отшлепала по попке своего пятилетнего шалуна, науськавшего домашнего киберга гоняться за кошками и таскать их за хвосты.

Уходили в Глубокий Космос и возвращались на родные базы сверхдальние звездолеты; опаздывали на свидания, целовались и ссорились влюбленные; поэты конструировали стихи, а мастера создавали поэмы из металла и электроники; кто-то бесстрашно входил в испытательные камеры, а кто-то с бесконечной осторожностью и с неимоверным терпением обследовал загадочничавшего вдруг младенца... Словом, Человечество жило в этот день 15-го июля, как давно уже привыкло, во всю ивановскую.

И все же именно в этот прекрасный и обыч-

ный день произошли из ряда вон выходящие события, которые положили начало предприятию, ставшему впоследствии известным под кодовым названием «Экспедиция в преисподнюю».

А дело было так.

В 3 часа 16 минут по мировому времени штаб Генерального дежурного по Всемирному совету получил из Службы околоземных космических станций сообщение о том, что в секторе 8-Ц только что по неизвестным причинам вдребезги разлетелся один из фокусирующих модулей субоптического телескопа. К месту странной аварии отправлена ракета с инспекторской группой.

В 6 часов 33 минуты инфор Генерального дежурного разразился тревожным сообщением Управления арктического судоходства. Атомный катамаран «Дмитрий Лапцев», следовавший из Датч-Харбора (Алеуты) в Нагурскую (Земля Франца-Иосифа), проходя над южными отрогами хребта Ломоносова, попал в гигантский водоворот совершенно необычайной мощности. В течение нескольких минут катамаран отчаянно маневрировал, чтобы не дать увлечь себя круговому потоку, а затем водоворот внезапно унялся, выбросив на поверхность невиданные массы пены пополам с илом (при глубине в 960 метров!). Объяснить этот феномен арктологи пока не в состоянии. Катамарану предложено уходить из опасной зоны полным ходом. Туда посланы гидропланы с научной группой.

В 11 часов 25 минут Служба околоземных космических станций передала докладную своих инспекторов. По единодушному мнению специалистов модуль телескопа был разнесен в куски примерно двадцатитонным зарядом тротила, неизвестно как попавшим в герметическую фокусирующую камеру. Но поразительным было другое. Среди обломков была обнаружена прямоугольная металлическая пластина величиной

в тетрадный лист, на которой была выгравирована каллиграфическая надпись: «Привет от Великого Спрута, Искусника Крэга и Конопатой Сколопендры!»

(Генеральный дежурный был человек бывалый, но о таких не слышал никогда в жизни. Он потряс головой и попросил немедленно доставить странный «привет» к нему в штаб.)

В 12 часов 47 минут снова позвонили из Управления арктического судоходства. На этот раз звонил сам Начальник Управления, и выражение лица у него было, как у подростка, которому показывают карточные фокусы. («Знаем, знаем, всё это лишь ловкость рук, не более...») Оказалось, что один из гидропланов, прочесывавших зону небывалого полярного водоворота, обнаружил в мутных от ила волнах фарфоровый цилиндр с отвинчивающейся крышкой. Крышку отвинтили. Из цилиндра выпал листок плотной желтой бумаги, на котором красной тушью и отличным почерком было начертано: «Взяли у вас взаймы без отдачи парочку миллиардов тонн соленой водички с рыбой, медузами и прочим добром, всю выплеснули за ненадобностью на ваше Солнце. Не благодарим, прощенья не просим. Великий Спрут, Искусник Крэг, Конопатая Сколопендра».

Oго! На этот раз Генеральный дежурный не стал трясти головой, а нахмурился и попросил Арктическое судоходство немедленно доставить странный документ к нему в штаб. Затем он доложил о событиях председателю Комиссии по чрезвычайным происшествиям. Тот выслушал, вник и произнес:

— Сейчас же вылетаю к вам с моим социологом. У нас здесь мед варится, но ничего не поделаешь, откладываем. А вы тем временем созовите к себе всех остальных членов моей Комиссии.

В 13 часов 56 минут, в тот момент, когда председатель Комиссии и его социолог вступили в кабинет Генерального дежурного, на стол перед дежурным лег пластиковый пакет, доставленный нуль-почтой. Дежурный, бормоча извинения, вскрыл пакет, и по кабинету разнесся легкий, но очень неприятный запах. Председатель Комиссии потянул носом и сказал:

— Керосин.

Генеральный дежурный тоже потянул носом и возразил:

— Мазут!

Социолог тоже потянул носом, но промолчал.

В пакете оказались два белых, захватанных измазанными пальцами конверта. На одном конверте было написано: «№ 1. Докладная во Всемирный совет». На другом значилось: «№ 2. Приложение».

Из докладной, подписанной неким Александром Кушнером, старшим хирургом плавучей

ветеринарной лечебницы «Моби Дик», явствовало следующее. Сегодня, 15 июля, в 9 часов 15 минут по мировому времени, «Моби Дик» принял сигнал СОС с острова Черная Скала. Ему, старшему хирургу А. Кушнеру, было известно, что на северном берегу этого острова вот уже несколько столетий располагается лежбище довольно многочисленного семейства ушастых тюленей, во главе которого ныне стоял Филька Третий, внук известного интеллектуала Фильки Первого. Сигнал СОС мог подать только этот самый Филька Третий, ибо по его, старшего хирурга А. Кушнера, вполне достоверным сведениям никаких иных достаточно разумных обитателей на Черной Скале не имелось.

«Моби Дик» взял курс на Черную Скалу, выбросив перед собой на вертолете отряд «скорой помощи» во главе с ним, старшим хирургом А. Кушнером. Зрелище, представившееся глазам отряда, было ужасным: Весь северный берег Черной Скалы, а также километровую полосу примыкающего к нему водного зеркала покрывала густая черная масса, в которой по консистенции, радужному отливу и особенно по злобному запаху не трудно было опознать тяжелый мазут. Несчастные тюлени числом около пяти десятков голов, оглушенные и отравленные, слабо копошились в этой отвратительной жиже или вообще уже не подавали признаков жизни. Фильку Третьего нашли мертвым в пещере у аварийного радиопередатчика. Престарелому тюленю залепило мазутом глаза и ноздри, мазут набился ему в зев, но перед смертью, движимый свирепым инстинктом охраны семейства, он нашел в себе силы добраться до педали, включающей сигнал СОС...

(Далее в докладной довольно подробно описывались меры, принятые отрядом «скорой помощи» до подхода «Моби Дика» и высадки чистой команды, срочно вызванной из Советской Гавани.)

В разгар спасательных работ один из врачей заметил на обломке скалы, выступающем из мазутной массы, некий блестящий предмет. При ближайшем рассмотрении это оказалась бутылка зеленоватого стекла, предположительно из-под шампанского, запечатанная пробкой и коричневым сургучом. Вначале ей не придали значения («стоит на камне бутылка, ну и что?»), но потом он, старший хирург А. Кушнер, случайно приблизившись, обнаружил, что она содержит в себе не жидкость, а свернутый в трубку лист бумаги. За бутылкой полезли, но в спешке уронили ее и разбили. К счастью, бумагу удалось подхватить до того, как она упала в мазут. Ознакомившись с ее содержанием, он, старший хирург А. Кушнер, сразу понял, что чудовищное происшествие на Черной Скале является следствием не роковой случайности и не безмозглой халатности, как он полагал вначале, а чьего-

то преступного умысла и потому подлежит юрисдикции Всемирного совета. Бумага препровождается во Всемирный совет в конверте с надписью «№ 2. Приложение».

Уже все члены Комиссии по чрезвычайным происшествиям собрались в кабинете, и Генеральный дежурный вложил «Приложение» в проектор. По экрану поползли неровные строки корявых, вкривь и вкось нарисованных по-печатному букв.

И вот что они прочли.

УЛЬТИМАТУМ

Земляне!

Надеюсь, вы убедились в наших возможностях, и теперь пора вам узнать, чего нам от вас нужно.

Нужно же нам всего-навсего, чтобы выдали вы нам с головой, целыми и невредимыми, готовыми к незамедлительному использованию по назначению следующих личностей:

во-первых и главных, чудо-доктора Итай-Итая, которого вы незаконно у нас захватили и употребляете в своих корыстных целях;

во-вторых и тоже главных, моего бывшего верного клеврета Мэсса, которого вы столь же незаконно пленили и томите в своих застенках;

в-третьих и не менее главных, вольного пирата Двуглавого Юла, каковой, состоя у нас на службе, предательски нас предал и ныне укрывается у вас в опасении справедливого возмездия.

ПРИМЕЧАНИЕ. Буде вы, по свойственному вам злосердечию, уже расправились с упомянутыми Мэссом и Двуглавым Юлом даже и до смерти, мы готовы удовлетвориться выдачей одного лишь чудо-доктора Итай-Итая, с тем, однако же, чтобы головы упомянутых Мэсса и Двуглавого Юла были в доказательство нам представлены.

Выдаче надлежит совершиться сего года 20 июля ровно в 13.00 по вашему мировому времени на острове Черная Скала в том месте, где найден был вами сей Ультиматум. К указанному сроку вы оставите упомянутых личностей (или доказательства) и чудо-доктора Итай-Итая целым и невредимым в любом случае на указанном месте, сами же отойдете за пределы окружности радиусом в 30 миль, считая центром вершину острова.

В случае ежели сей наш Ультиматум будет вами отвергнут, тогда пеняйте на себя, земляне. Конечно, времена изменились, и мы не можем теперь взорвать вашу ненавистную планету со всем ее кислородом, водой, хлорофиллом и красной кровью, как не можем уже, к сожалению, погасить ваше паршивое солнце, однако же вспомните, что некогда комар заставил льва молить о пощаде. Ежели не будет вами исполнено все в точности по сему Ультиматуму, мы с 14 часов 30 минут 20 июля начнем пако-

стить вам по-настоящему. Мы будем пакостить вам так, как вы и сами не пакостили себе никогда в своей истории. Мы будем пакостить вам, пока не добьемся своего. Мы будем пакостить вам хоть сто ваших лет (возможны, правда, небольшие перерывы) в любых точках вашей планеты и вашего околопланетного пространства, пакостить там и так, где и как сочтем для себя потешнее, а для вас — неприятнее. Так что лучше соглашайтесь сразу.

От имени Триумvirата —
Большой Спрут.

Глава вторая

Генеральный дежурный смотрел на членов Комиссии, а они смотрели на свои руки. Они все как один положили руки на край стола. Вместе с председателем их было семеро: четверо мужчин (педагог, социолог, ассенизатор и звездолетчик) и три женщины (кибернетик, психолог, врач). Старшему было за восемьдесят, младшей не было тридцати. Генеральный дежурный вспомнил, как кто-то из Палаты Старейшин назвал их в шутку самыми нервными в мире человеками. Вероятно, имелась в виду их необычайная чуткость на социальную угрозу. Впрочем, все они были из тех немногих в новейшие времена, из тех всего нескольких десятков тысяч, кому хоть раз в жизни привелось пережить смертельную опасность. И вот они сидели за круглым столом в кабинете Генерального дежурного на шестнадцатом этаже Дворца Совета, а на столе перед ними была серебряная пластина с разбитого субоптического модуля, пергамент из полярного водоворота и пованивающий мазутом тетрадный листок с острова Черная Скала.

— Есть во всем этом некий нездоровый идиотизм, — задумчиво произнес председатель.

— Ощущается, — согласился звездолетчик.

— Еще как! — сказала врачиха.

— Заговор роботов, — меланхолически предположил социолог. — Достукались наши.

— Правильно! — оживилась кибернетичка. — И для маскировки заменили себе серийные номера зловещими кличками! Как это звучит — Конопата Сколопендра! Я бы сама от такой клички не отказалась...

— В твоём возрасте, Алиса, неприлично напрашиваться на комплименты, — сварливо заметила врачиха. — И вообще это чепуха — роботы... При чем здесь ваши роботы? Это просто шуточки наших шизофреников, вот что это такое!

— У вас есть шизофреники, Магда? — с интересом осведомился председатель.

— У нас есть шизофреники, — с ударением сказала врачиха. — У нас с вами, Петр. Разумеется, они не типичны, но изредка еще встречаются... Как ваши отстающие ученики...

— Наши отстающие ученики,— с ударением сказал председатель.— Наши с вами...

— Хамье паршивое,— сказал вдруг социолог.— Пишут так, будто на планете каждому сопляку известно, кто они такие — эти Великие Спруты, Сколопендры, Мээсы...

— А ведь это действительно интересно,— оживилась психологичка.— Бог с ней, со Сколопендрой, но чудо-доктора, например, нам следовало бы знать... Как там его? Итай-Катай?

— Итай-Итай,— поправил ее председатель.— На старояпонском это означает что-то вроде «ой, больно»...

— Чудо-доктор Айболит! — осенило звездолетчика.

— Я же говорю — шизофреники,— сварливо сказала врачиха.

— Искусник Крэг,— продолжал звездолетчик раздумчиво.— Я знаю одного Крэга. Джон Крэг, живет в Сестрорецке. Отличный мужик, повар... действительно искусник... Но нет, это не он. Великий Спрут, гм... Насколько мне известно, есть некий Великий Кальмар. Проживает в Бугенвильской яме, жрет синтетическую тушенку, никого не трогает... даже с китами не дерется...

— Костя! — с упреком произнес председатель, и звездолетчик умолк, украдкой подмигнув захихикавшей психологичке.

— Во всей ерунде, которую вы здесь нагородили,— сказал социолог,— есть одна здравая идея...

— Две,— сказал ассенизатор.

— Три! — объявила врачиха.

— Назовите вторую и третью,— предложил социолог,— а потом я изложу первую.

— Вторая идея очевидна до банальности,— сказал ассенизатор.— Кто бы они ни были, эти негодяи, они не люди или к людям себя не причисляют, и совершенно лишены чувства социальной ответственности, а потому необычайно опасны.

— Третья идея состоит в том,— сказала психологичка,— что они почему-то уверены, будто мы прекрасно их знаем. Первая же идея...

— Первая почти совпадает с твоей третьей,— сказал социолог.— А именно: где-то, когда-то и как-то человечество с ними уже сталкивалось и задало им здоровую трепку.

— С чего и надо было начинать,— пробормотал ассенизатор, поднялся и направился к терминалу Большой Информативной Машины.

— Попытка, конечно, не пытка,— сказал с сомнением в голосе председатель.

— Так чем же мы располагаем? — проговорила врачиха, рассеянно следя, как изящные пальцы ассенизатора бесшумно скачут по клавиатуре на пульте терминала.— Что у нас есть, кроме общего ощущения огромной опасности, нависшей над человечеством? Попробуем подвести первые итоги. Кто начнет?

— Попробую я,— сказал социолог.— Где-то поблизости скрывается анонимная пока банда негодяев, беспринципных и аморальных мерзавцев-нелюдей. Банда эта угрожает Земле и околоземному пространству. На наши дальние базы и колонии они не покушаются, может быть, потому, что у них нет для этого технических возможностей. Вообще они не в состоянии наносить мощные удары, а способны только пакостить. Далее. Где-то, когда-то и как-то мы уже с ними сталкивались, нанесли им чувствительный удар и при этом захватили у них трех, как они выражаются, личностей. Кто они такие, этот чудо-доктор, этот бывший клеветник и этот двухголовый...

— Двуглавый,— поправил председатель.— Двуглавый, Александр, а не двухголовый... — Он вдруг замолчал и схватился за нос. Все с интересом воззрились на него. Он сморщился и помотал головой с досадой.— Эх, промелькнуло что-то в памяти и исчезло... Ладно, потом, может быть, вспомнится... Прости, Александр. Продолжай, пожалуйста...

— Продолжаю. Эти личности находятся на Земле, в наших руках, но нам они почему-то неизвестны. И это очень странно, ибо, по крайней мере, одна из этих личностей представляет, очевидно, огромную ценность, раз эти бандиты затеяли из-за нее всю эту авантюру, пошли на явный риск снова получить мощную взбучку...

— Добрый доктор Айболит,— пробормотал, не оборачиваясь, ассенизатор.

— Да, добрый доктор Айболит. Вы, разумеется, все поняли, что по-настоящему нашим негодяям нужен в целости и сохранности только он один. Остальных они согласны получить и в разобранном виде...

— И они убеждены,— подхватила врачиха,— что нам, землянам, этот Итай-Итай хорошо известен, что мы всю употребляем его, как они выражаются, в своих корыстных целях...

Все согласно кивнули и помолчали.

— Вы закончили, Александр? — спросила врачиха.— Спасибо. Кто следующий?

— Давайте я,— сказал звездолетчик.— Посмотрим на это дело с точки зрения техники.

— Ага, техники! — оживилась кибернетичка.— Это все-таки не роботы, надеюсь?

— Конечно, не роботы,— сказала врачиха.— Петр недвусмысленно высказался насчет нездорового идиотизма. И я с ним вполне согласна.

— Вот именно,— сказал звездолетчик.— С этим нельзя не согласиться... на первый взгляд.

— На первый? — удивился социолог.— А на второй?

— Давайте подойдем к делу вот с какой стороны,— произнес звездолетчик.— Космический модуль разгромлен зарядом тротила. Тюлень лежбище испаковано мазутом.

— Кстати,— проговорила врачиха.— Что такое мазут?

— И заодно,— подхватила кибернетичка,— что такое тротил?

— Тротил — химическая взрывчатка,— объяснил звездолетчик.— Насколько я помню, широко применялся четверть тысячелетия назад. Сейчас его иногда используют при горных работах.

— Четверть тысячелетия назад...— задумчиво повторила кибернетичка.— А мазут?

Ассенизатор, не оборачиваясь от пульта, сказал:

— Было такое жидкое топливо. Тоже, кажется, лет триста назад... И знаете, друзья, в позапрошлом году я разбирал небольшой конфликт в ксеноботаническом парке под Бомбеем. Тамашние юннаты домогались у администрации разрешения получить цистерну этого самого мазута...

— Зачем?— очень удивился председатель.

— Как удобрение для ганимедианских тюльпанов — есть такие цветочки на больших спутниках Юпитера.

Все снова помолчали, потом председатель сказал:

— Мы уклонились. Продолжай, Костя.

— Ну вот. Архаическая взрывчатка, давно забытое топливо. Пакость на околоземной орбите, пакость в океанских глубинах, пакость на безвестном островке, позорно жестокая и бессмысленная... Но каким способом совершены эти пакости? Нездоровый идиотизм... Может быть. Но вот мне видится в этом тонкий психологический расчет: запугать и запутать нас дикой комбинацией средств борьбы — поистине допотопных и новейших, нам неизвестных...

— Что ты имеешь в виду?— спросил, нахмурившись, социолог.

— Ну как же... Кстати, врут эти мерзавцы, что будто бы выплеснули нашу воду из Арктики на Солнце. Переброска через подпространство массы в два миллиарда тонн вызвала бы в нейтринном поле такое возмущение, что его бы даже у Тау Кита засекли... Да и какие мгновенные мощности здесь бы потребовались: триллионы гигаватт, миллиарды нанокалорий... Не может быть у этих подонков таких мощностей, иначе не стали бы они размениваться на мелкие пакости, а просто схлопнули бы для начала Луну или, скажем, Меркурий...

— Так, может быть, насчет арктической воды вообще вранье?— спросил социолог.— Никуда она не делась, а просто взбаламутили ее каким-то образом?

— Простите,— робко, но твердо вмешался Генеральный дежурный.— Есть сообщение из Службы околоземных космических станций. Согласно информации с одного из геодезических спутников в шесть часов три минуты мирового времени над южным отрогом хребта Ломоносова имело место падение уровня океана на три с половиной миллиметра. Через три минуты уро-

вень восстановился... И еще: в этом районе буквально в те же секунды бесследно исчез подводный ультразвуковой маяк. Еще раз прошу прощения.

Он замолчал. Все внимательно смотрели на него, и он от смущения закашлялся.

— Спасибо, мой мальчик,— сказал председатель.— Это интересно.

— Та-та-та! — легкомысленно пропела кибернетичка.— Куда же могла деваться такая масса воды? Да еще за три минуты? Два миллиарда тонн воды, как я понимаю, это не струйка дыма, что тает вдруг в сиянье дня...

— В соседствующее пространство?— предположил председатель.

Звездолетчик покачал головой.

— Исключено. Тоже понадобились бы чудовищные мощности. Нет, здесь нечто другое, новенькое, гораздо более хитроумное... Вот это и производит впечатление: сочетание свертехнологии с архаическими тротильными взрывами и с мазутным хулиганством. Последнее слово будет, конечно, за специалистами, но сейчас в качестве рабочей гипотезы предлагаю принять, что ящики с тротилом были засунуты в герметическую камеру на околоземной орбите тем же самым способом, каким была изъята масса воды из Ледовитого океана и каким была вывалена прорва мазута на берег Черной Скалы.

— А каким способом — ты представляешь себе?— осведомился социолог.

— Да есть у меня кое-какие соображения, но...

— Да ты изложи, мы поймем,— сказала врачиха.

Звездолетчик было заколебался, но тут же решительно заявил:

— Нет. Не стану я излагать. У меня для этого нет ни терминологии, ни образов. И потом, возможно, я ошибаюсь. Зачем же забивать вам головы?

— Правильно,— решил председатель.— Пусть специалисты объясняют. Костя, когда мы закончим, свяжись там... ну, сам знаешь с кем, в секретариате Академии...

— Есть! — торжествующе вскричал ассенизатор и развернулся с вращающимся креслом лицом к товарищам.— Есть, ребята! Одного я нашел, сукиного сына!

Глава третья

Читателю, ознакомившемуся с первыми двумя частями нашей правдивой сказки, может показаться странным, что хорошо известные ему имена-клички, украсившие собой три провокационных послания, решительно ничего не говорили столь компетентным землянам, как члены Комиссии при Всемирном совете. Еще более

странным может показаться ему, что даже могущественная Большая Информационная Машина планеты — и та явно затруднилась, выискивая эти имена в своей бездонной памяти. А между тем все объясняется весьма просто.

Во-первых, со времени разгрома пиратско-промышленного комплекса на Планете Негодяев прошло около двух десятков лет. Разумеется, освободительный поход Объединенной Космической Эскадры навсегда остался в анналах наиболее славных деяний человечества, но уже только в узкоспециальных источниках упоминалось о диверсии тройки коммунаров, возглавляемой флагманом Макомбером, и даже эти узкоспециальные источники лишь вскользь, не называя никаких имен, сообщали, что главарям пиратов удалось скрыться в неизвестном направлении. Да и как могло быть иначе в эти времена, полные великих и странных чудес? Достаточно вспомнить колоссальное предприятие по спасению биологии в системе Гаммы Южной Короны! А создание Теневых Городов в экзосфере Солнца? А прорыв в царство соседствующих пространств? До Великих ли Спрутов, до Конопатых ли Сколопендр было миллионам и миллиардам веселых, дерзких, целеустремленных энтузиастов?

Во-вторых, как бы ни была велика симпатия автора к своим героям, все же справедливость требует признать, что по характерам и творческим способностям они ничем не выделялись среди своих современников, были, прямо скажем, людьми рядовыми, и все их чувства, мысли и поступки в любых критических обстоятельствах всегда и вполне оказывались типичными для огромного большинства. И странно было бы ожидать, будто в их мире, где забота о родной планете и гордость за родную цивилизацию стали социальными инстинктами, кого-нибудь всерьез и надолго поразили бы их решительность и беспощадность в отражении атаки космических негодяев, оснащенных отвратительным контрактором. А как же иначе?

В-третьих, по вполне понятным причинам и по предложению осторожного флагмана Макомбера наши герои согласились нигде и никогда не упоминать о чудо-докторе Итай-Итае, отдаленном потомке Портоса и Галины. (Мы говорим «по вполне понятным причинам», а имеем в виду причины, вполне понятные только тем из наших читателей, кто хорошо представляет себе, что такое так называемые парадоксы путешествия по времени. Им объяснять не нужно, а остальные пусть примут на веру, что причины эти вполне основательны.) Возвращение Портоса из экспедиции на Планету Негодяев живым и здоровым было воспринято его многочисленными друзьями и родственниками с восторгом, но без особого удивления, на что и рассчитывал флагман Макомбер. Да, так уж у них там повелось, что смерть друга воспринимается со сдержанным

горем, а вот если случалось воскрешение из мертвых, то все ликовали и радовались, но ни о чем не спрашивали: мало ли какие чудеса возможны в наше интересное время! Таким образом, и имя чудо-доктора осталось в густой тени.

Наконец, в-четвертых. Имена Двуглавого Юла, бывшего вольного пирата, и Мэсса, бывшего верного клеветника и исполнителя самых тонких поручений мерзопакостного Великого Спрута. Здесь следует отметить, что к началу XXIII века на Земле и в ее обширных колониях пребывало уже около миллиона инопланетян из всех краев обзримой Вселенной и даже из неведомых областей за ее краями: дипломаты, ученые, наблюдатели, стажеры, студенты, эмигранты, туристы, бродячие художники, артисты, поэты, служители религиозных культов, фантастические философы и прочая самая разнообразная публика, в том числе и военнопленные, которых невозможно было вернуть по домам, поскольку они отказывались сообщить или сами не знали, откуда они родом. Судьба некоторых довольно интересна и даже поучительна. Возьмем для примера бывший экипаж «Черной Пирайи». Если читатель помнит, они обосновались у нас на Марсе. Так вот, бывший радист Ка, белый в синюю крапинку ящер, удалился в пустыню в экологическую нишу, заполненную тамошними ленивыми песчаными крокодилами, чтобы проповедовать им передовые идеи труда и добра. Бывший канонир Ки, огромная морская звезда с поразительной способностью к мимикрии, дважды без всякой видимой причины размылся простым делением, организовал коллективное хозяйство и скромно разводит декоративные кактусы для обмена на бройлеров. А бывший квартирмейстер Ку, обезьяна с диковинным ледяным метаболизмом, устроился на Деймос гидом-экспонатом, обслуживает школьные и инопланетные экскурсии, а в свободное время заполняет защечные мешки денатурированными алмазами, кое-где встречающимися на этой планетке.

Но все это между прочим. Мы надеялись показать, какая это была сложная задача — отыскать двух военнопленных инопланетян, затерявшихся как ничтожные щепки в бурном океане человеческой цивилизации начала XXIII века. Особенно если вспомнить, что один из них всего-навсего причинил четверть столетия назад какие-то хлопоты ничем не примечательной юной девушке, а другой, тоже четверть столетия назад, холопствовал при космическом злодее местного значения.

И тем не менее отыскать обоих удалось. Правда, не сразу. И притом по каналам информации, которые, вообще-то говоря, можно назвать необычными, если не причудливыми.

То обстоятельство, что искомым имен не ока-

залось в памяти Большой Информационной Машины, ассенизатора не смутило. Он был терпелив и настойчив, и, кроме того, у него за плечами был огромный опыт по разного рода поискам. Отключив память, он пустил Машину в свободный поиск по всем специальным архивам планеты. Прислушиваясь к разговору друзей у себя за спиной, он неотрывно глядел на пустое табло. Время от времени, как нам известно, он даже включался в этот разговор.

— ...Пусть специалисты объясняют, — говорил председатель. — Костя, когда мы закончим...

Именно в этот момент на табло вспыхнули буквы: «МЭЭС».

— ...связись там... — продолжал председатель, — ну, сам знаешь с кем, в секретариате Академии...

— Есть! — торжествующе возопил ассенизатор и развернулся с вращающимся креслом лицом к товарищам. — Есть, ребята! Одного я нашел, сукиного сына!

И он снова повернулся к пульту. Все вскочили с мест и сгрудились у него за спиной.

— Мээс... — словно не веря глазам своим, прочитал председатель. — Действительно ведь Мээс... Ай да Жозеф, нашел-таки! Вот что значит профессионал!

— Дальше, дальше! — нетерпеливо проговорила врачиха.

Ассенизатор ткнул пальцем в неприметную красную клавишу. Слово МЭЭС исчезло, на его месте появилось слово СКЛОЧНИК. Ассенизатор оскалится и снова ткнул в красную клавишу. Слово СКЛОЧНИК погасло, уступив место слову ПРОЩЕЛЫГА.

— Гм... — произнес председатель. — Все это, наверное, правильно, однако хотелось бы подробнее...

Кибернетичка фыркнула. Ассенизатор, прошептав что-то энергичное, с силой ткнул в красную кнопку третий раз. Нечто вроде глубокого вздоха исторгло из недр машины, ПРОЩЕЛЫГА погас, и по табло справа налево побежали буквы и цифры.

АРХИВ СОВЕТА ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ ЗОНЫ. СЕКТОР ПИСЕМ ТРУДЯЩИХСЯ. ГОД 2215/298. ВХ 113 ОТ 16.05. ОТПРАВИТЕЛЬ: МЛАДШИЙ СМОТРИТЕЛЬ САЙЫЛЫКСКОГО КОШАЧЬЕГО ЗАПОВЕДНИКА, ВРЕМЕННЫЙ ГРАЖДАНИН ЧЕЛОВЕЧЕСТВА МЭЭС. СОДЕРЖАНИЕ: ОБВИНЕНИЕ ГЛАВНОГО СМОТРИТЕЛЯ ЗАПОВЕДНИКА ДИКСОНА КАРРА В КРАЖЕ В КРАЖЕ В КРАЖЕ КОШАЧЬЕГО КОРМА НА ПРЕДМЕТ КОРМЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ КОШКИ СИАМСКОЙ ПОРОДЫ. ВЕРДИКТ КОНФЛИКТНОЙ ТРОЙКИ СОВЕТА: ОСТАВИТЬ БЕЗ ВНИМАНИЯ ЗА НЕЛЕПОСТЬЮ.

Пауза. Члены Комиссии переглядываются. Кибернетичка зажимает себе рот ладонью.

ГОД 2216/299. ВХ 006 ОТ 13.01. СОДЕРЖАНИЕ: ОБВИНЕНИЕ СТАРШЕГО СМОТРИТЕЛЯ ЗА-

ПОВЕДНИКА ВАЛЕНТИНЫ СИЗОВОЙ В НАТРАВЛИВАНИИ КОШЕК ТРЕХЦВЕТНОЙ МАСТИ НА КОШЕК ЧЕРНОЙ МАСТИ С ЦЕЛЬЮ НЕДОПУЩЕНИЯ ЧЕРНЫХ КОТОВ К ЕЕ СОБСТВЕННОЙ ТРЕХЦВЕТНОЙ КОШКЕ. ВЕРДИКТ КОНФЛИКТНОЙ ТРОЙКИ: ОСТАВИТЬ БЕЗ ВНИМАНИЯ ЗА ГЛУПОСТЬЮ.

Пауза. Кибернетичка рыдает. Председатель укоризненно говорит ассенизатору:

— Ну, Жозеф, всего от тебя ожидал...

— А я тут при чем? — огрызается ассенизатор. Вид у него ошарашенный. Как, впрочем, и у остальных.

— Еще не конец... — тихонько произносит психологичка.

ВХ 037 ОТ 23.03. СОДЕРЖАНИЕ: ЖАЛОБА НА МЛАДШЕГО СМОТРИТЕЛЯ ЗАПОВЕДНИКА ИВАНА ВЫЛКУ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЕМ, ВЫРАЗИВШЕЕСЯ В БОЛЕЗНЕННОМ ДЕРГАНЬЕ ЗА ХОБОТ, В ЧУВСТВИТЕЛЬНОМ ТАСКАНЬЕ ЗА ШЕРСТЬ НА ХОЛКЕ И В ПИНКАХ ПО МЯСИСТЫМ ЧАСТЯМ ТЕЛА, СОПРОВОЖДАВШЕЕСЯ БЕЗОСНОВАТЕЛЬНЫМИ ОБВИНЕНИЯМИ ПУБЛИЧНО В СКЛОЧНИЧЕСТВЕ И В КЛЯУЗНИЧЕСТВЕ. ВЕРДИКТ КОНФЛИКТНОЙ ТРОЙКИ: МЛАДШЕГО СОТРУДНИКА ИВАНА ВЫЛКУ СТРОГО ПРЕДУПРЕДИТЬ ЗА РАСПУСКАНИЕ РУК, НОГ И ЯЗЫКА; МЛАДШЕГО СОТРУДНИКА МЭЭСА СТРОГО ПРЕДУПРЕДИТЬ ЗА МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКУЮ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ.

Пауза. Затем на табло вспыхивает надпись: МАТЕРИАЛЫ ПО МЭЭСУ КОНЕЦ КОНЕЦ.

Так удалось ухватиться за кончик нити. Ассенизатор немедленно связался с киберкадровиком Сайылыкского заповедника, от него ниточка потянулась во Всемирное общество любителей кошек, дальше — больше, и уже через четверть часа из печатающего устройства терминала выпала на пульт справка, из которой явствовало, что

— до сентября 2203/287 года указанный Мээс занимал значительный пост в иерархии преступного пиратско-промышленного комплекса, базировавшегося на так называемой Планете Негодяев в системе двойной звезды в нижнем правом углу Малого Магелланова Облака;

— 21 сентября 2203/287 года в ходе освободительного похода Объединенной Космической Эскадры на Планету Негодяев указанный Мээс был захвачен в плен диверсионной группой флагмана Макомбера и доставлен на Землю;

— учитывая помощь, которую указанный Мээс хотя бы и против своей воли оказал диверсионной группе флагмана Макомбера в ее действиях по тылам противника, а также добровольность и ценность его показаний на следствии о преступлениях, совершенных пиратско-промышленным комплексом Планеты Негодяев, а также его чистосердечное раскаяние на Межпланетном Трибунале, ему, указанному Мээсу,

предложили репатриироваться, однако он не только наотрез отказался сообщить координаты своей родной планеты, но и попросил на Земле убежища, мотивируя просьбу тем, что дома его непременно повесят;

11 мая 2205/288 года Юридическая комиссия Всемирного совета рассмотрела просьбу указанного Мээса о предоставлении ему статуса временного гражданина Человечества и приняла решение просьбу эту удовлетворить, как предписывает Законодательство, под личную ответственность трех поручителей, в данном случае — флагмана Макомбера, спортсмена Портоса и мастера Атоса;

— в июне 2206/289 года флагман Макомбер, заметивший к тому времени за Мээсом любовь к домашним животным, порекомендовал его Всемирному обществу любителей кошек...

Остальное понятно. К справке была приложена голография «указанного Мээса»: жутковатый мужчина с крыльями, как у летучей мыши, с длинным белым хоботом, с маленькими выпученными глазками под низким лобиком, похожий одновременно и на вставшего дыбом слона, и на пингвина в мохнатой шкуре сизого цвета.

— Уродец какой! — восхищенно воскликнула кибернетичка.

— Вот за этот хобот его и дергали, — заметила психологичка.

— Ну, хорошо, — проговорил социолог. — Сообразим теперь, куда все это нас ведет...

— В Сайылыкский кошачий заповедник, — сейчас же сказала врачиха.

— В архивы Межпланетного Трибунала, — сказал ассенизатор.

— Прежде всего это ведет нас к флагману Макомберу! — сказал звездолетчик, подняв указательный палец.

— Вспомнил! — воскликнул вдруг председатель.

Все посмотрели на него.

— Насчет этого... двухголового... двуглавого... — пояснил он. — У меня есть правнук. Шустрый такой парнишка, Антоном зовут. Тринадцать лет. И между прочим, отчаянный любитель футбола. Сам в юниорской играет, в зональной сборной, ну и, разумеется, пристально следит, что в этом смысле вообще делается на свете. Знаете, как подростки...

— Знаем, знаем, не отвлекайся, — нетерпеливо сказал социолог.

— Вот что. я вспомнил, — медленно произнес председатель. — Месяца два... нет, три месяца назад это было, в апреле... Рассказал мне Тошка, что Всемирная ассоциация любителей футбола рассматривала прелюбопытный казус. Вся беда в том, что слушал я его вполслуха, сути не уловил, но речь шла об одном вратаре, из-за которого весь сыр-бор и возгорелся: считать его за одного игрока или за двух?

— Ну и что? Не тяни...

— Речь шла... Это я сейчас точно вспомнил. Точно. О двойном отбиве головой Двуглавого Юла!

Воцарилось молчание. Социолог схватил «ультиматум» и забегал глазами по строчкам. Звездолетчик произнес убежденно:

— Быть не может!

— За что купил, за то и продаю,— сказал председатель почти виновато.— Двойной отбив головой Двуглавого Юла. Сам себе не верю, а куда деваться?

— Если он такой известный, то почему о нем не знает Машина? — спросила врачиха.

— Он же любитель,— возразил социолог.— Их же сотни миллионов таких на планете, и двуглавых, и безглавых, и всяких...

— Ничего себе — компания! — желчно произнесла кибернетичка.— Болельщик-кошатник и любитель-футболист!

— А доктор Айболит — это какой-нибудь... этот... собирательщик древних трамвайных билетов! — подхватила врачиха.

— Слушайте! — произнес ассенизатор и хлопнул ладонью по пульта.— Давайте серьезно. Костя прав. Надо обратиться к флагману Макомберу.

Глава четвертая

Мастер Атос и флагман Макомбер, свежие и усталые после пятикилометрового заплыва, сидели, развалившись в глубоких креслах, на веранде, пили горячий глинтвейн и вели неторопливую беседу. Оба были в просторных мохнатых халатах и домашних тапочках на босу ногу, вид собой являли убогатворенный, и не было никаких оснований сомневаться в том, что они пребывают в полном согласии с собой, друг с другом и со Вселенной, в которой так интересно работать, драться, отдыхать и вообще жить.

Мягко сияло полуночное солнце, пологие черные волны некогда студеного, а ныне и навеки теплого океана с мягким шуршанием набегали на пологий галечный берег совсем рядом, рукой подать, сонно почикивали птицы в серебристых купах северных яблонь, обступавших с трех сторон старинную виллу, со стороны поселка доносились негромкие молодые голоса, приглушенная музыка и девичье хихиканье, и еще время от времени с океанских просторов накатывалось, словно бы гром гремел шепотом, утробное уханье и фыркание — это третьи сутки шли из Норвежского моря к богатым чукотским пастбищам необозримые стада гренландских китов.

«Беседа с другом не возвращает молодости». Так сказал некогда, хотя и совсем по другому поводу, но поразительно верно, один та-

лзнтливый и грустный русский писатель. Почти двадцать лет не виделись Атос и флагман Макомбер, и теперь, беседа тихо, они пытливо приглядывались друг к другу, силясь определить, что изменилось, что осталось прежним с тех времен, уже подернутых дымкой забвения, когда они с оружием в руках, готовые в любой момент вступить в смертельный бой, шли плечом к плечу мрачными катакомбами Планеты Негодяев. С тех пор в их жизни было у каждого столько событий и переживаний, но ведь это «плечом к плечу» из души не выкинешь!

Атос встретил старого соратника с чистой и бескорыстной радостью, и на душе у него было легко. Флагман же Макомбер явился к нему по делу, и потому было ему неловко; и Атос ощущал эту неловкость, и от этого было ему немножко смешно и грустно.

В начале двадцать третьего века все еще считалось неприличным явиться к другу после двадцатилетней разлуки и прямо, с ходу объявить ему: «Старик, тут такая штука, мне поручили важное дело, и ты должен мне помочь». Поэтому флагман Макомбер не торопился.

Он рассказал о себе, как и чем он прожил эти годы, изложил малоизвестные подробности событий в Прозрачной Чересполосице, осады Куберонской базы, дискуссии по проблеме Дальнего Проникновения, очень смешно обрисовал свою роль в фантастическом Белковом инциденте, шутливо пожаловался на женское засилье в своей семье («Шесть дочек, благородный Атос, вы представляете себе?») и, спросивши стило и бумагу, очень умело и выразительно изобразил своего приятеля, представителя разумной негуманоидной цивилизации, возросшей на далекой планете Кгхрм.

Атос слушал внимательно, с неподдельной жадностью, прерывал повествование нетерпеливыми вопросами... И что тут удивительного? Чудовищные потоки информации, захлестывающие мир Человека, давно уже приучили внимающих к сообщениям коротким, коротеньким, едва заметным, и хотя каждый сознавал, что за каждым таким сообщением кроется столпотворение судеб и идей, за душу хватало уже только поистине огромное, вселенское, значимое для самой истории, не меньше... И еще у каждого внимающего своя работа, которая представляется ему (совершенно справедливо) важной и необходимой для Коммуны, иначе ею и заниматься не стоит... И потому изустные рассказы очевидцев и участников стали восприниматься в двадцать третьем веке точно так, как, наверное, воспринимали на кухне провинциального феодала державинских времен побасенки забредшего на огонек солдата-инвалида, уволенного вчистую после очередной турецкой кампании...

А потом стал рассказывать о себе Атос, и настала очередь флагмана Макомбера жадно

слушать, задавать нетерпеливые вопросы и мысленно хлопать себя по ляжкам... Расшифровка генетической памяти минералов; голографическая реконструкция пейзажей, которые всем своим объемом «наблюдают» метеорит в момент своего рождения; прогностика распределения масс и энергий в пятимерном пространстве-времени нашего Космоса... Это была миллионная часть всех технических (уже технических!) работ, которые велись изнемогающим от любопытства Человечеством, и откуда было простому солдату-звездолетчику знать об этих работах?

Потом они помолчали.

— Вы так и не женились, благородный Атос? — спросил флагман Макомбер.

— Нет, — ответил Атос, как отрезал.

— Ну, а что наши друзья? Что Галя? Что Портос?

Флагман Макомбер узнал, что Галя и Портос живут ныне в Бирме, в Шуэньяуне, потому что Галя занята там какой-то местной ботаникой, а Портосу безразлично, где спортсменствовать. Он ведет курс прыжков без парашюта в местном интернате, а также факультативный семинар по проникновению сквозь стены в Мьенджанском училище первопроходцев. Они породили трех сыновей, хорошие мальчики, все мастера. Атос ими доволен. Старший сейчас в Бандунгском проекте, какое-то крупное новшество в полетной кулинарии. Средний ушел под воду, тянет магмопровод в Южной Атлантике. А младший, Ваня, любимец Атоса...

— Он обещал стать отменным интраоптиком, проходил практику в моих мастерских и вдруг ушел в бродячие артисты...

— Вы огорчены, благородный Атос?

— Что вы, дорогой Макомбер! Я и сам в свое время...

— И я тоже, благородный Атос...

— Это были прекрасные времена...

— Да, замечательные... Я тогда любил.

— Я любил всегда...

Тут надо сделать небольшое отступление. Вездесущая статистика той эпохи показывает, что каждый десятый из ученых, каждый восьмой из мастеров и каждый пятый из спортсменов в дни своей молодости вдруг срывались с места и пускались в путь. Куда? А куда глаза глядят. По просторам планеты. По городам и весям. По материкам и океанам. Кто-то из тогдашних социопсихологов чрезвычайно неудачно назвал это явление «освобождением от первобытной энергии». Чушь! Это было самой жизнью, одной из форм существования разумных белковых конгломератов, именуемых Человеком.

Бродяжили, как правило, четными группами числом до шести-восьми человек. Возвращались к работе через несколько месяцев, часто семейными парами, а спустя лет десять снова... Но дело в другом.

В этих странствиях, видимо, давался выход артистическим способностям, заложенным в любой личности от рождения. Они пели, декламировали стихи, разыгрывали целые представления. Перед кем? Да перед кем угодно. Перед первым встречным, если он хотел их видеть и слушать. Часто они обходились вообще без зрителей и слушателей. Но больше всего им нравилось поражать воображение детей и подростков. И они это умели!

Разумеется, бесконечно далеко было им до актеров-профессионалов, до этих поистине волшебных лицедеев, способных психологически жить в любом художественном образе, способных мгновенно вовлечь аудиторию в создаваемый ими иллюзорный мир, способных заставить зрителя в считанные минуты прожить целые эпохи... Но свое дело они умели. Они были так духовно близки своей всегда случайной юной аудитории: они так понимали ее влечения и ход ее мысли, что получалось у них без промаха и всегда к добру. И недаром в середине двадцать второго века Всемирный педагогический совет специальным постановлением признал несомненную доброкачественность этих самостоятельных трупп и навсегда одобрил их веселую деятельность.

— Он сотворил труппу, — тихо улыбаясь, рассказывал Атос. — Назвал ее «Бременские музыканты». Была такая веселая музыкальная пьеска в далеком двадцатом веке, сотворена тогдашними властителями ребячьих душ — Ливановым, Энтиным и Гладковым, блестящими русаками, людьми талантливейшими... Ваня раскопал эту пьеску, слегка модернизировал ее... Огромный успех, особенно в Восточной Европе. Впрочем, и в Японии тоже. Они представляют под открытым небом... ну, это так им и положено. Сбегают тысячи детишек из всех окрестных очагов и интернатов, можете себе представить? Музыка оригинальная, старинная, это производит особенное впечатление... и большинство стихов тоже. Архаично, не все понятно, однако в этом есть своя прелесть, поверьте...

Флагман Макомбер непроизвольно приподнял брови. Да, несомненно, суровый Атос, немногословный Атос изменился. Вон как заговорил — страстно, проникновенно... Черные небеса Вселенной! Да у него же глаза блестят! Флагман Макомбер осторожно произнес:

— Да, это должно производить впечатление.

— Понимаете, дорогой Макомбер, каждый из нас по мере возможности служит детям. Но Ваня... Я утверждаю, он прирожденный интраоптик, но посмотрели бы вы на него, когда он выступает перед детьми!

Нет, этот незнакомый флагману Макомберу младший сын Гали и Портоса определенно ходит у Атоса в любимчиках. Флагману Макомберу стало совсем неловко, проявления таких пристра-

стий всегда были ему не по душе. Он попытался переменить тему:

— А кстати, благородный Атос, кого вы имеете в виду, когда говорите о детях?

Атос пожал плечами.

— Это же общеизвестно... Человеческие существа в возрасте до пятнадцати лет!

— Ха! В деле на Кубероне эти пятнадцатилетние били из лучевых карабинов и умирали рядом с нами...

— Ну и что же? Все равно это были дети, наши девочки и мальчики, и это была их беда и наша вина, что им пришлось там стрелять и умирать...

Можно было развить эту тему дальше, ветераны всех времен обожали почесать языки на подобные темы, но флагман Макомбер сдался.

— Сколько Ване лет? — спросил он.

Атос удивленно взглянул на него.

— Что вы, дорогой Макомбер! Ване восемнадцать, он уже вполне взрослый парень!

Тогда флагман Макомбер отпил из стакана глоток остывшего глинтвейна и тихонько произнес:

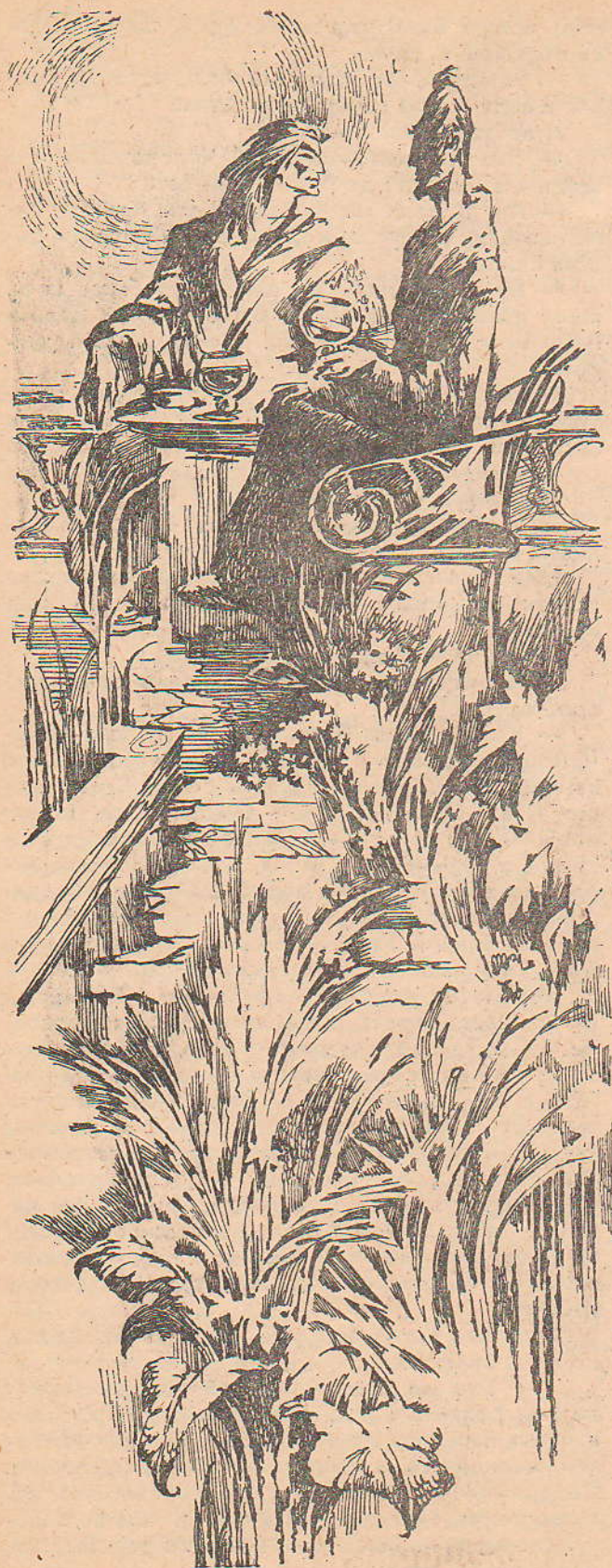
— Вы чем-то озабочены, Атос.

Атос устремил взгляд в черные океанские просторы.

— Как правило, Ванина труппа давала «Бременских музыкантов». Конечно, кое-что в пьесе Ваня изменил. Вместо Осла действует Конь, вместо Пса — Оранг, а Пес — вместо Кота, шайка разбойников состоит из Подлой Сколопендры и Злобных Тарантулов... Коня, между прочим, играет веселый молодой жеребец О Гого, обладатель превосходного баса, внучатый племянник профессора Ай Хохо («Помните профессора Ай Хохо, Макомбер?»), он стажировался на Земле в институте народов Глубокого Космоса... А Принцессу играет Тзана, юная девица с планеты Оабы, где изумрудные небеса, синие луны и горы, покрытые оранжевыми снегами. И она красива, эта самая Тзана, с огромными зелеными глазами, белой до сияния кожей, с легкими как пух и густыми как соболий мех пепельными волосами, но, конечно уж, не более красивая, чем любая красивая девица-землянка... У нее какой-то невероятный голос, специалисты прочат ей будущность великой певицы, а она вдруг сбегала из Московской консерватории в Ванину труппу...

Флагман Макомбер уже понял, в чем дело, но Атос закончил:

— Это не первый случай любви между детьми разумных рас, возникших на расстоянии в сотни парсеков друг от друга. Те, другие случаи окончились катастрофой для влюбленных. Современное знание бессильно объяснить эти катастрофы. Теперь вы понимаете, чем я озабочен, дорогой Макомбер, и, с вашего разрешения, довольно об этом.

Глава пятая

— А что подельывает достойный Арамис? — спросил флагман Макомбер.

— О, у Арамиса, как всегда, дел по горло, — ответил Атос. — Их там собралась в Аддис-Абебе мощная шайка из нескольких тысяч метакозмологов, проектируют использовать нашу бедную Солнечную систему в качестве этакой не то линзы, не то призмы для глубокого зондажа Мировых Объемов...

— Мировых Объемов? Это еще что такое?

— Затрудняюсь объяснить, дорогой Макомбер. Это их жаргон. Ничего общего с теми мирами и объемами, которыми занимаемся мы с вами. Знаю только, что Солнечной системы им оказалось недостаточно, и они намереваются подключить к своей затее еще и систему Альфы Центавра, летящей звезды Барнарда и что-то еще, сейчас уж и не упомяну...

— Что ж, — пробормотал флагман Макомбер. — Большому кораблю большое плавание...

— Только не скажите это Арамису, — посоветовал Атос. — Он ведь считает себя рядовым ученым, и я, честно говоря, с этим почти согласен, и у него есть свои боги — академик Гей-Коззак, профессор Ванькингартен, гроссмейстер Бумба из какого-то шарового скопления...

— Никогда о них не слыхал?

— Я тоже. Впрочем, профессор Ванькингартен прославился недавно скандальчиком, который он учинил во Всемирном совете по делам профессий...

— Ладно, бог с ними со всеми, — сказал флагман Макомбер, отметив впрочем про себя, что в случае надобности Арамиса можно будет без труда найти на Земле. — Ну, а про наше чудовище, наше пугало, нашего Двуглавого Юла вы ничего не знаете?

И он тут же поздравил себя с этим вопросом, потому что Атос весело расхохотался.

— Знаю, дорогой Макомбер, мне ли не знать? Да будет вам известно, что все эти годы Двуглавый Юл жил и живет сейчас у меня, здесь, под полом!

Флагман Макомбер только руками всплеснул.

Да, Двуглавый Юл вот уже семнадцатый год жил под фундаментом виллы Атоса в комфортабельной трехкомнатной конуре с йодистой ванной и с отоплением от подземных источников. Столь странный с точки зрения землянина выбор жилья он объяснил тысячью причин, из коих существенными были, пожалуй, только две. Во-первых, он через неопределенные промежутки времени впадал в спячку на недели и даже на месяцы, и тогда ему требовался абсолютный покой. Во-вторых, старый пират был по-прежнему склонен к обжорству и неумеренному потреблению ртутно-колчеданных коктейлей, в результате у него частенько расстраивалось что-то внутри, и

тогда он неудержимо отрывался густым сернистым газом, что, согласитесь, создавало бы для сожителей-землян вполне понятные неудобства.

В общем, он процветал, с успехом вел в соседнем поселке стрелковый кружок и даже два года посещал университет, хотя от сдачи курсовых работ и тем более экзаменов неизменно уклонялся. А в последнее время он бешено увлекся футболом и сейчас считается одним из лучших вратарей местной сборной. Особенно по душе ему пришелся футбол Микаловица.

— Чей футбол? — встрепенулся флагман Макомбер.

— Не чей, а какой. Спортивное новшество. Некий Микаловиц, тренер легендарной команды «Черноморец», выступил с теорией «футбола без ограничений». Согласно его правилам, вратари, например, взвалив ворота на плечи, могут носиться по всему полю, и в игре могут принимать участие зрители... правда, забитые ими мячи, кажется, не засчитываются...

— М-да, за всеми новшествами не уследишь...

— Кстати, еще о любви между детьми различных рас в Космосе. Двуглавый Юл влюбился. Именно по этой причине, как он утверждает, нет у него никакой охоты возвращаться к себе на родную планету. Так это или не так — судить трудно, однако факт остается фактом: правая его голова, та, что одноглазая, влюблена в пожилую воспитательницу из соседнего детского сада, а левая без ума от одной инопланетянки, которую натурализовало у себя местное сообщество белых медведей. У амурологов этот казус вызвал радостный переполох, была даже написана диссертация, доказавшая на примере Двуглавого Юла раз и навсегда, будто одухотворенная любовь возникает именно в мозгу, а никак не в сердце, но тут на беду диссертанту случайно всплыло наружу то обстоятельство, что у Юла сердце не одно, а целых три...

— Где он сейчас? — спросил флагман Макомбер.

— По-моему, на тренировке, — ответил Атос. — Хотите повидаться?

— Да, было бы интересно снова повидать старого негодяя. А что этот маленький... ну, как его... пушистый...

— Ятуркенженсирхив? Он умер. От старости. В позапрошлом году. Жил он у Гали с Портосом, они его баловали, он растолстел, заважничал, а потом вдруг как-то сразу поседел, сделался из белого тускло-рыжим, шерстка на нем проредилась, сам весь ссохся, одни глаза остались... Велел позвать Двуглавого Юла и лежал до конца, держа его за палец. Напоследок попросил его спеть дразнилку:

Ятуркенженсирхивец!
Тирьям-тирьям-тирьям!
Ты маленький паршивец!
Тирьям-тирьям-тирьям!

Выслушал, улыбнулся и умер. Двуглавый Юл рыдал в три ручья, бился головами о стену, на силу его уксусом отпоили...

Атос замолчал, и флагман Макомбер с изумлением увидел, как этот суровый, холодноватый человек отвернулся и вытер глаза обшлагом мохнатого халата.

Бледное солнце давно уже прошло шалоник и стало отлого подниматься к востоку, посинел океан, унялись и улеглись волны, и птицы затихли, и зыбким предутренним ветерком потянуло на веранду. Бесшумный робот вновь наполнил стаканы горячим глинтвейном.

Флагман Макомбер подумал, что ведь еще и трети суток не прошло с того часа, когда он угощался ледяным малинадом в одном из приемных холлов Дворца Совета, все еще не пережив потрясения от беседы, которая вдруг так внезапно возвратила его к событиям многолетней давности. Облаченный в свою потертую, но как всегда аккуратно вычищенную и выглаженную, черную с серебром форму Космического флота, сидел он в кресле очень прямо, изредка отхлебывая из запотевшего стакана и ждал. И самый проникательный наблюдатель не заметил бы ни малейших признаков потрясения на его узком костистом лице, покрытом серо-коричневым загаром.

Затем дверь наконец распахнулась, и в холл, слегка отдуваясь, вошел председатель. Он опустился в кресло напротив флагмана Макомбера, знаком приказал роботу принести прохладительного и заговорил.

— Флагман Макомбер! — сказал он. — Экстренное совещание Комиссии по чрезвычайным происшествиям закончилось. От лица Комиссии выражаю вам глубокую признательность за сообщенные вами сведения. Они пролили свет на многое и прекрасно дополнили информацию, полученную нами из архивов Межпланетного Трибунала и Космического флота.

Далее. Считаю своим долгом поставить вас в известность о том, что в Комиссии имела место дискуссия. Нам неизвестно, откуда ведется нападение. Нам неизвестно даже, каким способом оно ведется. Наконец, нам неизвестно в точности, каким оружием располагает противник. Поэтому были высказаны крайние опасения. Залили мазутом лежбище тюленей на Черной Скале — почему бы им тогда в следующий раз не залить ипритом детские пляжи в Анапе? Взорвали тротилом космический модуль на околоземной орбите — почему бы в следующий раз не взорвать ядерной бомбой лунную базу «Циолковский»? И так далее. Было даже высказано предложение выдать противнику Двуглавого Юла и Мэсса и объяснить ему, что доктор Итай-Итай родится только через три столетия. Предложение это было, конечно, отвергнуто, как несовместимое с земной честью и капитулянтское.

Земля не может пойти на поводу у шантажистов, к тому же есть все основания усомниться в том, что противник поверит правде о чудо-докторе. Вы следите за ходом рассуждений, флагман?

— Так точно, товарищ председатель, — ответствовал флагман Макомбер. — Слежу внимательно.

— Далее. Комиссия обратила внимание на следующие обстоятельства. Из показаний Мэсса на Межпланетном Трибунале стало известно, что в распоряжении этого паршивого паука, Искусника Крэга, имеется так называемый пеленгатор интеллекта, аппарат, позволяющий обнаруживать носителя разума в заданном объеме пространства. В свое время этот аппарат использовался пиратами для поиска и отлова разумных существ с последующим использованием их мозгов... ну, сами помните. Так вот, характерно, что все три сегодняшних удара бандиты нанесли там, где ни единого человека либо вообще не могло быть, либо не было в избранный для удара момент.

Флагман Макомбер позволил себе улыбнуться.

— Слона не задевай спящего, льва не задевай голодного, а землянина не задевай никогда, — пробормотал он.

— Вот именно! — сказал председатель. — Они нас боятся, флагман. Если бы не крайняя нужда в чудо-докторе, они никогда бы не осмелились сунуться к нам. Но нужда у них, видимо, смертельная, и тут уж, как говорится, как раз тот случай, когда неволя пуще охоты. В этом выводе Комиссия единодушна. Действительно, представьте себе, что вместе с двумя миллиардами тонн арктической воды попадет к ним, например, рейсовая субмарина, из этих подводных автобусов, что переправляют рабочие смены с материка на Подполюсную Базу и обратно... две сотни юнцов и юниц, которым черт не брат, а закон лишь папа с мамой да Всемирный совет... и Великий Спрут им: «Лапки вверх, деточки!», а у деточек на борту, в моторном отсеке, полные канистры антипротонного горючего!

Уж кто-кто, а флагман Макомбер мог без всякого труда представить себе «деточек» в такой ситуации. Н-да, картина.

— Допустим, — продолжал председатель, — бандиты тоже располагают антиматерией. Что ж, грянет ядерная схватка, исход которой весьма сомнителен... но и при любом исходе не видать Великому Спруту чудо-доктора, как собственных ушей. Нет, на такое бандиты не пойдут никогда. И конечно же, прежде чем решиться на хулиганство в Арктике, они десять раз прочесали своим пеленгатором тамошние воды, пока не убедились, что не прихватят ничего, кроме рыб и медуз...

Далее. Продискутировав имеющуюся информацию, Комиссия сформулировала свои выводы следующим образом...

Тут председатель извлек из нагрудного кармана лист бумаги, вздел на нос старинные очки и стал читать:

— «Первое. Имеет место грубый шантаж со стороны внеземного противника, хорошо оснащенного технически, безнадежно отсталого психологически и решительно ничем не обремененного морально-этически.

Второе. Нашим слабым местом является отсутствие сведений о местоположении противника и о его способах ведения боевых действий.

Третье. Слабым местом противника является его крайняя нужда в чудо-докторе, послужившая единственной причиной всей авантюрной затеи.

Четвертое. Нет никакой необходимости объявлять всепланетную тревогу. Для ликвидации инцидента достаточно выделить одного человека с хорошим боевым опытом, наделив его от имени Всемирного совета полномочиями привлекать к решению этой задачи любых добровольцев, любые источники информации, любые механические устройства и любые энергетические датчики, которые он сочтет нужным использовать». Вот так, милый флагман.

Председатель спрятал листок и снял очки.

— Вы уже догадались, флагман Макомбер,— строго сказал он,— что Комиссия по чрезвычайным происшествиям избрала своим уполномоченным для этого дела именно вас!

Флагман Макомбер вздрогнул.

— Простите, благородный Атос,— произнес он виновато.— Вы что-то говорили?

Атос пристально смотрел на него.

— Дорогой Макомбер,— тихо сказал он.— Будем считать, что неофициальная часть нашей беседы закончена. Предлагаю перейти к деловой части. Чем могу вам служить?

Глухой утробный рык донесся с океана. Флагман Макомбер, напрягая зрение, всмотрелся в темную синеву под четкой линией горизонта. Там медленно вздымались в утренний воздух столбики снежно-белого пара: киты все шли и шли, и не было им конца.

— Благородный Атос,— проговорил флагман Макомбер.— Я обращаюсь к вам, как уполномоченный Комиссии по чрезвычайным происшествиям. Прошу выслушать меня с наивозможным вниманием...

Глава шестая

Не на шутку горячее солнце давно перевалило через стрик и отлого катилось к обеднику.

Утомленные деловой частью беседы и слегка подавленные навалившейся на них ответственностью, спали в саду, растянувшись в тени прямо на траве, Атос и флагман Макомбер. При

этом Атосу снилась Тзана, девица с Оабы, у которой, впрочем, было почему-то Галино лицо, а флагман Макомбер видел во сне извивающегося в конвульсиях Великого Спрута, которого он, впрочем, наяву никогда не видел.

Двуглавый Юл сидел подле люка в свою коуру, из которой тянуло приятным холодком, чинил защелку обширного белого зонтика и рассеянно болтал с домашним роботом. Ему было без всяких объяснений приказано никуда не отлучаться, и он страдал от любопытства.

Передачик-автомат уже выслал на записывающее устройство личных секретарей-приемников Портоса и Арамиса краткое изложение событий, разработанный план действий и приглашение прибыть к Атосу к семнадцати по местному времени.

В Сайылыкский кошачий заповедник за младшим смотрителем, временным гражданином Человечества Мазсом был выслан аэрокар с приказом уполномоченного Комиссии по чрезвычайным происшествиям.

И случилось так, что как раз в это самое время в дом своих родителей в Шуэньяуне (если читатель не знает, поясняем, что это почти в центре Бирманской коммуны) нагрязнул Ваня со своей Принцессой Тзаной.

Вообще, надо сказать, нагрязнение было у Вани излюбленным способом появляться в заданном месте. Нагрязнет, бывало, и поля на три километра в окружности оглашаются радостными голосами детишек, летит строгое педагогическое расписание, смеются и сердятся воспитатели. Нагрязнет, и приветливый рев оглашает общежитие, звонко гремят шлепки по спине, летит распорядок дня, и девушки бегут смотреться в зеркало. Нагрязнет, и восхищенно трубят слоны, беспокоятся близорукие носороги, тянут за кубиками рафинада длинные шеи газелеглазые жирафы, летит установленный порядок поведения посторонних в зверином царстве, и чернокожие атлеты-аспиранты сбегаются для веселого разговора с хорошим человеком.

Конечно, Ваня никогда не позволял себе нагрязнуть, скажем, в заводской цех на ходу, в лабораторию во время эксперимента или в конференц-зал, когда там совещаются, или в санаторий, если там мертвый час: могли и по шее дать, и вообще Ваня был юноша воспитанный. Он отлично отдавал себе отчет в том, куда и когда можно нагрязнуть, и куда войти с достоинством, испрося предварительно разрешения, а куда проникнуть украдкой и присесть в уголку, чтобы не выгнали. Но домой, к отцу и маме, сам бог велел нагрязнивать.

К его великому огорчению дома никого не оказалось. Робот доложил, что мама Галя уснула в Мандалай по своим ботаническим делам, а папа Портос уже вторые сутки демонстрирует искусство ночных прыжков без парашюта в

далекой Боготе. Это было тем более неприятно, что Ваня именно в этот день решился представить родителям Тзану не только как партнершу по превосходному музыкальному поэтическому спектаклю «Бременские музыканты». Однако делать нечего. Ваня совсем уже решился было вызвать какого-нибудь воздушного одра и вернуться к своей труппе, которая в те дни развлекала детишек и пенсионеров в Инсбруке, когда взгляд его совершенно случайно упал на пульт секретаря-приемника на отцовском рабочем столе. Там с едва слышным попискиванием мерцал красный огонек: «Весьма срочно! Весьма серьезно! Весьма обязательно!»

— Посиди, Принцесса,— бросил он Тзане и ткнул пальцем в клавишу воспроизведения.

С каменным лицом (этот парень умел делать каменное, ничего не выражающее лицо) выслушал он изложение известных нам событий. Затем он прослушал план действий.

«Дорогой Портос! Ты уже сообразил, конечно, в чем состоит наш замысел. 20 июля в 13.00 по мировому времени противник ожидает обнаружить и взять на северном берегу Черной Скалы экстрадиционную группу. Таким образом, имеет место шанс вступить с противником в контакт, не дожидаясь результатов научной, технической и военной экспертизы. Мы намерены устроить Великому Спруту и его банде маленький сюрприз. Вместо чудо-доктора Итай-Итая, подонка Мээса и разжиревшего Двуглавого Юла пойдет кто-нибудь из нас. Нечего и говорить, это смертельный риск. Но нам ли отступать? Я не счел себя в праве не поставить тебя в известность об этом деле, ты бы никогда не простил меня. Обсуждение состава разведывательно-диверсионной группы состоится на моей вилле сегодня в 17.00 по моему времени. Жду тебя с Галей. Флагман Макомбер тебе кланяется. Твой Атос. Постскриптум: ну, а если мы все-таки сложим голову, так ведь за нами двинется вся Земля!»

Ваня дослушал до конца, посвистел мотивчик из Г. Гладкова и взглянул на Тзану. Ах, хороша она была в тот момент, свернулась калачиком в глубоком кресле Портоса, загорелая, чистенькая, в короткой юбочке и просторном жакете без рукавов. На его взгляд она ответила безмятежным взглядом огромных зеленых глаз.

— Если ты погибнешь, я умру,— сказала она.

Ваня пожал плечом.

— Как-нибудь,— произнес он.— Отец один раз уже погиб из-за этих мерзавцев. Не ему же идти... И потом: пуркуа па?

— Конечно! — согласилась она с улыбкой на нежных розовых губах.— Пуркуа па? Я всего-навсего сказала, что если ты погибнешь, я умру. Подумаешь, большие дела... Не обращай внимания.

Ваня отвернулся и тронул пальцем клавишу,

Запись стерлась. Он поколебался, оглядываясь, потом махнул рукой.

— Все. Попрощались. Пошли, Принцесса.

Она легко, как муха со стены, вылетела из кресла и оказалась возле него.

— Ваня! — прошептала она. — Мой Трубадур! У вас на Земле ведь это единственный вид собственности?

И час спустя они были на берегу Ледовитого океана.

Атос, Арамис и флагман Макомбер сидели на веранде за столом, тут же на перилах восседал Двуглавый Юл, весь, от обеих шей и до ступней, затянутый в трико цвета яичного желтка. Он яростно вращал своими тремя глазами и хрипло орал в две глотки, распространяя в свежем солоноватом воздухе сернистые испарения:

— Это я расцениваю как недоверие! Саботаж энтузиазма! Конечно, вы всякие такие и сякие флагианы-мушкетеры, мастера-ученые-химики-резинщики, мудрецы-благодетели, а я всего лишь любительский футболист, презренный вратарь, да еще двухголовый, сомнительный, несчастный изгнанник, пария, землянский пленник! Души у меня нет, совести нет, пистолетов нет, можно обижать и не оглядываться! А что у меня в груди все горит, двадцать ваших лет с Великим Спрутом покататься хочется — этого вы в ограниченной мудрости своей допустить не можете! Да они там как увидят вас без меня, гордого, готового, двухголового, они же вас сразу к стенке! Я же не на фук иду, я же понимаю, вы мне не верите, вам наплевать, что тогда великий доктор Итай-Итай говорил, вы на это сморкнулись и забыли, так я же заложников оставляю, двух заложниц, которых вы все вместе взятые не стоите, рассуждаете? Поликсену Митрофановну из детского сада номер сто тридцать один и медведицу мою белопушистую, распрекрасную Алеоуолу, ей же цены нет, одного нутряного сала кило с пятнадцать, высшего качества! Знаю, унижаюсь я, оба лица теряю, но на коленях прошу: возьмите с собой! Дело ведь принципиальное! Я ведь и до Всемирного совета дойти могу, вы меня еще не знаете! Вы все думаете: футболист, да еще вратарь, а я ведь могу, я еще очень и очень могу!..

Он ревел, рычал, отрывался, тыкал костлявым пальцем в собеседников и в пространство за пределами веранды, а Атос, Арамис и флагман Макомбер серьезно слушали и кивали.

— Если уж на то пошло, так не трусливее я вас, жизни для дела никогда не жалел, а что вы меня тогда взяли, так сила солому ломит...

Тут-то и раздалась в саду песня, хрипловатый мужской и звонкий девичий голос:

Ничего на свете лучше не-ету,
Чем бродить друзьям по белу све-ету!
Тем, кто дружен, не страшны тревоги,
Нам любые дороги доро-оги...

Двуглавый Юл на полуслове захлопнул обе пасти, все повернулись лицом к саду, а из-под яблонь уже выходили, держась за руки, Ваня и Тзана с планеты Оабы.

— Привет, дядя Атос! — вскричал Ваня, поднимаясь на веранду. — Привет, дядя Арамис! Здорово живешь, старый Юл! А это флагман Макомбер, если не ошибаюсь? Здравствуйте, очень польщен!..

— Ты? — изумленно спросил Атос, подняв брови. — А где же отец?

— Я за него! — со странной интонацией откликнулся Ваня.

Пораженные Атос, Арамис и флагман Макомбер переглянулись, а Двуглавый Юл, осклабясь обоими рядами щучьих зубов, лягнул в костлявые ладони.

— Здравствуйте, дядя Атос, — серебряно прозвенела Тзана, делая книксен перед мастером. Атос хмуро кивнул.

— Здравствуйте, дядя Арамис!

— Здравствуй, киска, — рассеянно отозвался Арамис.

— Здравствуйте, флагман Макомбер!

Флагман Макомбер встал, очень серьезный и сосредоточенный, и наклонил голову.

— Рад сделать знакомство, мисс, — произнес он.

— Здравствуй, чудище, — сказала Тзана, повернувшись к Двуглавному Юлу.

Двуглавый Юл воссиял. Двуглавый Юл спрыгнул с перил и распахнул длани. Двуглавый Юл обнял Тзану за узкие плечи и поцеловал в лоб — сначала правой головой, затем левой. Двуглавый Юл сказал:

— Здравствуй вечно, звездочка! И чего ты такая тощая? И здоровенькая ведь, а все тощая и субтильная. А я тебе куклу смастерил, уж подарю, в конуре она у меня... Ты как? Жизнью довольна? Ванька тебя не обижает? Если что, ты мне скажи, я ему... это самое... шею... общественное порицание... А?

И Двуглавый Юл, бывший лютый пират и многоголовый убийца, повернулся к Ване и игриво ткнул его в бок железным пальцем.

— Ты мне смотри насчет Тзаночки-то, слышишь? — проворковал он.

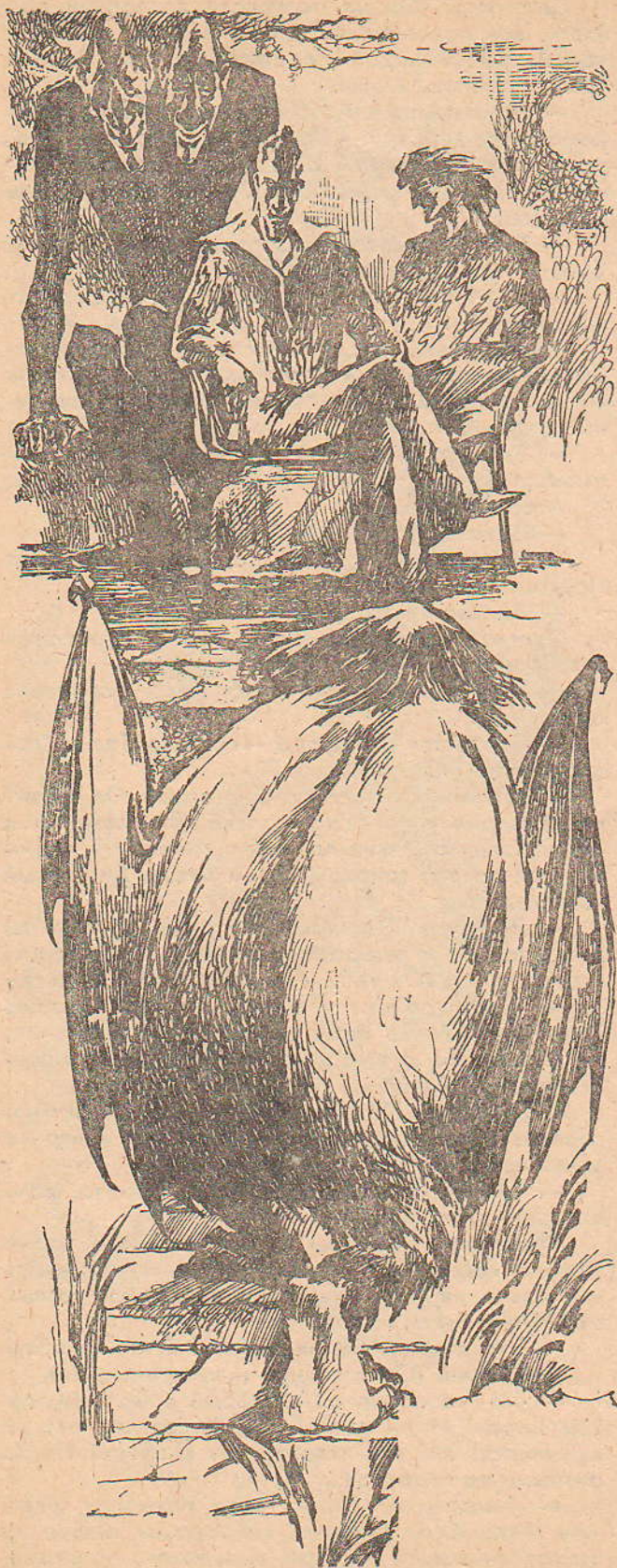
Неизвестно, чем бы закончилась эта трогательная сцена, но тут из-за деревьев появилась массивная слоново-пингвиная фигура, и наглый скрипучий басок проговорил:

— Это сюда меня вызывали? Я не ошибся?

Двуглавый Юл взглянул и выпучил глаза.

— Ба! — возопил он. — Старый хобот! Крылатый боров! И ты здесь? Явился, за сто лет не запылелся! Ха, вся старая гопя в сборе! После столько-то годочков...

— Помолчите, Юл, — строго произнес флагман Макомбер. Кажется, он первым вышел из психологического ступора, вызванного появлени-

ем Вани и его подруги.— Помолчите и дайте возможность работать.— Он обратился к слонопингвину.— Да, Мээс, вас вызвали сюда. Вы не ошиблись. Поднимитесь на веранду.

Мээс, шурша концами перепончатых крыльев по доскам ступенек, опасно поднялся. Вид у него был такой, словно он в любую минуту ожидал оплеуху.

— Заявляю официально,— произнес он, безошибочно останавливаясь перед флагманом Макомбером и глядя свинячьими глазками поверх его головы.— Заявляю немедленно и официально. Мое обвинение директора заповедника в поощрении вверенного ему кошачьего контингента к распутному поведению является ошибочным. Признаю ошибку. Официально. Исключительно по причине усердия и рвения, а также недопущения. Готов понести заслуженный выговор.

— Во сволочь!— восхищенно произнес Двуглавый Юл.

Ваня взял Тзану за руку и отвел ее в угол веранды. Усадив девицу в соломенное кресло, он встал за ее спиной и устремил скучающий взгляд в океанские просторы.

— Мээс,— строго сказал флагман Макомбер.— Нас не интересуют ваши мелкие гадости в Сайылыкском заповеднике. Хотя, движимый соображениями гуманности, свойственной каждому гражданину Человечества, должен вас предупредить, что когда-нибудь вам все-таки врежут по-настоящему. Терпение граждан Человечества велико, но не беспредельно.

— Хобот тебе оторвут, бурдюк злоуханный!— ликующе объявил Двуглавый Юл.

— Помолчите, Юл,— сердито сказал флагман Макомбер.— Так вот, Мээс, ваши дурацкие интриги здесь никого не интересуют, и вызвал я вас сюда не для этого.

— Я повергаю себя на ваш суд, флагман Макомбер,— смиренно проскрипел Мээс.— Уповаю же только на вашу справедливость.

Старый скот не выразил никакого удивления при виде людей, которых он так хорошо знал (всегда запоминаются люди, которые с пистолетом наготове ведут тебя по твоей же собственной хазе). Он сообразил, что бить и таскать за хобот здесь, пожалуй, не будут, и слегка успокоился. Впрочем, тут же выяснилось, что успокоился он рано.

— Вам представляется случай,— сказал флагман Макомбер,— оказать приютившему вас Человечеству большую услугу.

— Всегда готов!— сейчас же брякнул Мээс.

— Мы снаряжаем экспедицию в нынешнее логово Великого Спрута и предлагаем вам принять в ней участие.

На обширной сероватой физиономии Мээса явственно выступили пупырышки неодолимого ужаса, он стал медленно пятиться, пока не упер-

ся кожистыми крыльями в перила. Затем он поднял бледную четырехпалую руку и помахал ладонью перед глазами.

— Ни! За! Что! — проскрежетал он.

— Прекрасно, — удовлетворенно сказал флагман Макомбер. — Вы удовлетворены, Атос? Так. И вы, Арамис? Я тоже. Наш морально-этический долг выполнен. Констатирую, что присутствующий здесь временный гражданин Человечества Мээс категорически отказался принять участие в действиях против Великого Спрута.

— Ни! В! Коем! Случае! — прошипел Мээс словно при последнем издыхании.

— Мы поняли, — хладнокровно сказал флагман Макомбер. — Юл, окажите нам любезность, проводите Мээса к себе в конуру. Завтра утром мы отправим его обратно в этот его кошатник, и чтобы впредь духу его не было еще где-нибудь на этой планете!

Почти в полуобморочном состоянии, кланяясь и бормоча слова благодарности, Мээс стал сползать по ступенькам веранды. Двуглавый Юл последовал за ним, похихатывая и подгоняя его безболезненными пинками.

— Давай двигай, — приговаривала его левая голова. — Ползешь, как вошь по мокрому месту, колченогий хобот...

И вот, когда они скрылись за углом виллы, на середину веранды выступил Ваня.

— Как я понимаю, — ясным голосом произнес он, — здесь происходит военный совет. Издревле полагалось на военных советах первым выступать младшему. Что ж... Я не говорю о флагмане Макомбере, с которым мы видимся впервые, но все остальные, здесь присутствующие, знают меня давно и любят меня. Конечно, по-разному. Вы, дядя Атос. Вы, дядя Арамис. Ты, Принцесса. И временно удалившийся отсюда двухголовый Юлька, тетешкавший меня, когда я делал в пленки...

— Кажется, я тоже люблю... — проворчал флагман Макомбер.

Ваня весело на него взглянул.

— Спасибо, дядя флагман. Так вот. Я все знаю — прочел вашу депешу папе. Я умею стрелять из восьми видов оружия, выжимаю левой рукой пятьдесят килограмм, могу пробыть под водой без маски четверть часа. Прошу об одном. Папе и маме ничего не сообщать, пока эта история не закончится. Предлагаю состав разведывательно-диверсионной группы: флагман Макомбер — командир, Двуглавый Юл и я. Лучше не придумаете.

Вот так.

Флагман Макомбер невольно кивнул.

Атос зажмурился.

Арамис невесело усмехнулся.

Эти люди никогда не поддавались страху за себя. И никогда не сомневались в мужестве ближних. Но...

— Как же Галя? — пробормотал Атос. — Как же Портос?

— Портосу было как раз восемнадцать, когда он таранил контрактор, — жестко сказал Арамис.

— Утверждаю, — произнес флагман Макомбер, — уполномоченный Комиссии по чрезвычайным происшествиям.

И все, и с ними Ваня, встали. Никто не решился взглянуть на Тзану, сидевшую в углу в соломенном кресле. Она безмятежно улыбалась. Но как же не улыбались ее огромные зеленые глаза!

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Вы прочитали начало заключительной части повести-сказки С. Ярославцева «Экспедиция в преисподнюю». Первые две части этой повести были напечатаны в 1974 году в сборнике «Мир приключений», содержание их вкратце таково.

...К Земле подкрадывается корабль космического пирата Двуглавого Юла. Искусник Крэг, разумный, но начисто лишенный чувств паук из системы безымянной нейтронной звезды, предложил Великому Спруту, хозяину Планеты Негодяев, наладить выпуск дешевых, компактных и надежных вычислительных машин, являющих собою сращение механизмов с мозгом живых существ. За этими-то «живыми мозгами» и летит на Землю Двуглавый Юл, вооруженный контрактором, позволяющим упаковывать в сравнительно малые емкости огромные планетные территории вместе с их атмосферой, растительностью, животным миром и, естественно, разумным населением.

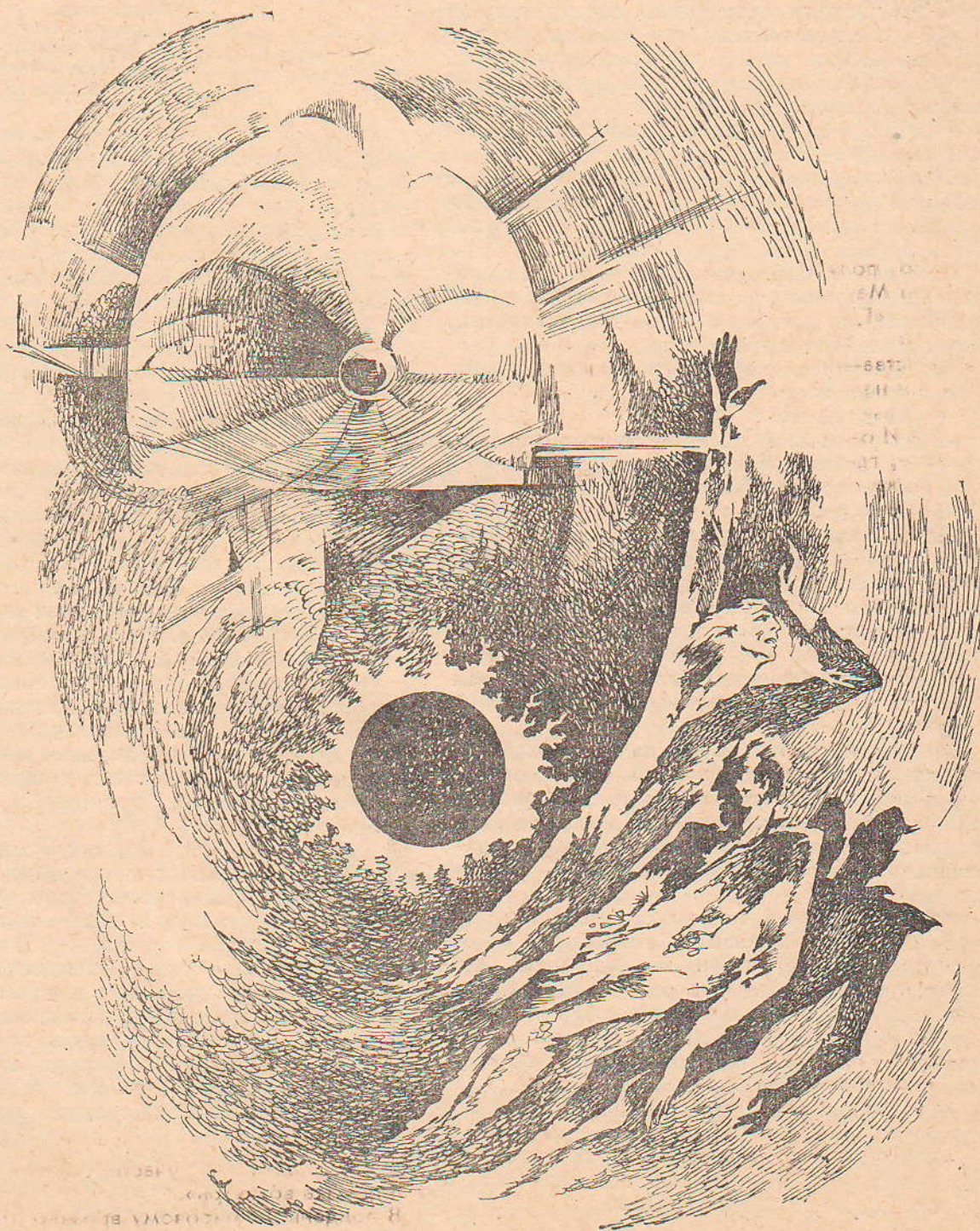
Экспедиция Юла завершается полным провалом. Друзья-«мушкетеры» Атос, Портос, Арамис и «д'Артаньян в юбке» Галя не только разрушают планы космических конкистадоров, но, проникнув на Планету Негодяев, способствуют крушению пиратской империи. Главари ее спасаются бегством; одного из приспешников Великого Спрута — Мээса — земляне берут в плен. Кстати, на Планете Негодяев они встречаются с Итай-Итаем — чудо-доктором, пришельцем из будущего, сумевшим оживить погибшего было Портоса...

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОВЫМ-84

7 ИЮЛЬ

Экспедиция

В преисподнюю

Сказка

С. ЯРОСЛАВЦЕВ

Рисунки
Е. Стерлиговой

Около полуночи Арамис бросил Атоса и флагмана Макомбера и, отдуваясь, выбрался на веранду. «Ежу же ясно,— устало-разъяренно бормотал он.— Элементарная деформация пространства-времени в складках дезплузионных слоев при наложении параллельных пространств... В этом только солдаты да техники могут сомневаться...» И он, морщась, трогал кончиками пальцев висок, где пульсирующе ныло от непрерывного треска печатающих устройств, выдававших бесконечные ленты суждений крупнейших авторитетов из Академии наук, а также предложений руки и меча от бывших соратников флагмана Макомбера.

Мягко сияло на шалонике полночное солнце, с шелестом накатывались на галечный берег черные волны, сонно почикивали птицы в ветвях северных яблонь... а вот гренландские киты уже прошли на восток, и прохладный ветер с океана не доносил ни звука.

Ваня сразу же, как только закончился военный совет, куда-то улетел. Знакомиться с научно-техническими ориентировками из Академии наук он отказался. «У меня свои источники информации,— загадочно сказал он.— Посмотрим, чьи вернее...» Поцеловал Тзану и исчез.

А Тзана стояла у перил веранды и смотрела в океан. Когда вошел Арамис и повалился в кресло у стола, уставленного местными яствами и всепланетными напитками, она не обернулась, но через минуту, не повернув головы, произнесла:

— Дядя Арамис, ведь у вас есть дети?

Арамис, соорудивший себе увесистый бутерброд из крабов, морской капусты и майонеза, задумчиво замер.

— Хм...— проворчал он.— Как тебе сказать... Что-то такое безусловно есть. Дома толкутся

какие-то сопляки и соплячки. Меня они любят, я их тоже...

Тзана, по-прежнему не оборачиваясь, проговорила:

— А вот у меня, может быть, никогда не будет детей.

Арамис не нашел, что ответить. Впрочем, он и не искал.

Если бы кто-нибудь в эту ночь отошел от крыльца веранды на десяток шагов к югу, то, оказавшись над распахнутым люком в конуру Двуглавого Юла, услышал бы возбужденные голоса.

Двуглавый Юл не пожалел для старого врага царской водки, и Мээс был вдребезги пьян.

— Я жалок!— рыдал он, топорща крылья.— У меня нет родины! Все они там взяли в хоботы оружие, а я сбежал!.. Сбежал, как последняя гадина! Предал всех! Ты меня понимаешь, Юл? Повисну с удовольствием! За хобот!

Ему отвечал рокочущий баритон правой головы Двуглавого Юла:

— Дрыхни, скотина. Ложись и дрыхни. Ишь, развевался, виселицу ему! Да кому ты нужен, слоно-пингвин недоделанный! Вонщи от тебя не оберешься— вешать тебя... Дрыхни, тебе говорят, а то сейчас по ушам!

Глава седьмая

Прекрасен и обычен на планете Земля и в ее окрестностях был день 20 июля 2222 года нашей эры, от начала же Великой Революции— 305-го.

Прекрасен и обычен был этот день для всего Человечества— за исключением нескольких сотен граждан его, участвующих в операции «Контратака вовнутрь».

В полдень по мировому времени трое из них

Окончание. Начало см. в № 6.

высадились с гидроплана на северном берегу острова Черная Скала. Пилот, всю дорогу молчавший, пожал на прощанье с хрустом три руки, а перед тем, как дать газ, вдруг проорал на весь Великий, или Тихий, океан:

— Если что с вами случится, пусть эта сволочь знает — мы разметаем чертовское гнездо, мы перероем все пространства и времена, мы отыщем их притон, и тогда мы сожжем мерзавцев, так что и воронам нечего будет расклеивать!..

На это флагман Макомбер, быстренько оглядевшись, проворчал:

— Ну-ну, не надуйте так, не надо. Чтоб разметать и сжечь, кому ума не доставало?

Ваня изобразил на физиономии милую улыбку.

А Двуглавый Юл слегка задрожал в душе: он-то знал, что угроза пилота ох какая не пустая похвальба! Воображение у бывшего пирата было, прямо скажем, довольно тусклое, но и его достало на то, чтобы отчетливо представить себя на месте Великого Спрута, когда земляне... Двуглавый Юл снова слегка задрожал и постарался думать о приятном. При этом он машинально поправил черную повязку на правом глазу правой головы.

Гидроплан улетел, и они остались одни.

Собственно, что значит — одни? Позавчера случайно пролетавший над островом вертолет с опознавательными знаками Морветслужбы уронил по рассеянности на скалы и в прибрежные воды полторы тысячи бесцветных капелек величиной с булавочную головку, полторы тысячи нейтринных телепередатчиков, немедленно начавших неутомимые репортажи об острове и его ближних окрестностях на полторы тысячи экранов в штабе на шестнадцатом этаже Дворца Совета.

Необходимо было увидеть, как это произойдет.

А вообще-то говоря, подходящая гипотеза была выработана и признана наиболее полно отвечающей известным фактам. Современная наука уже утвердилась в представлении о Метакосмосе как о совокупности всех мыслимых и немыслимых пространственно-временных систем. Известны были пространства параллельные и перпендикулярные, пространства с прямым, обратным и ортогональным течением времени, вероятностные пространства с числом измерений большим и меньшим трех, пространства, замкнутые на себя, и пространства, разомкнутые в реальную бесконечность, и прочие головоломные, представляемые только математические квази-, псевдо- и эзкосмосы, которые простому человеку, какому-нибудь художнику или артисту, не приведи бог пригрезить в час отдыха после слишком плотного обеда. А уж коли приснится такое простому художнику или артисту, то выскочит он из гамака или из покойного кресла,

задыхаясь, отплываваясь, ошалело поводя налитыми очами... и побежит наш художник-артист, даже не причесавшись, к любимой своей жене или невесте и трясущимся голосом потребует, чтобы она поклялась ему немедленно, что никогда, никогда, никогда... а что «никогда», он и не выговорит, потому что и сам не знает...

В частности, разработана была гипотеза так называемой «матрешки пространств». Разработали ее давно, да так и забыли за совершенной непрактичностью, суть же ее заключалась в признании возможности системы пространственно-временных континуумов, вложенных друг в друга на манер известной древнерусской игрушки. Метрика этих вложенных друг в друга космосов строго скоррелирована известным постулатом, гласящим, что произведение мерности на темп течения времени есть всегда величина постоянная. Попросту говоря, ежели в каком-нибудь космосе, «вложенном» в наш Космос, длина волны излучения данного атома в миллион раз короче, чем у нас, то и время там бежит со скоростью в миллион раз большей. Элементарные расчеты показали, что космосы большей и меньшей мерности, чем наш, менее стабильны, и теоретически не исключена возможность проделывать из них «дыры» или «воронки» в любую точку нашего пространства при весьма незначительных энергетических затратах. По мнению Арамиса, подкрепленному высказываниями мощных специалистов Земли и дружественных миров, такой хитроумной скотине, как Искусник Крэг, удалось создать устройство для хулиганских нападений на наш Космос изнутри. Итак, противник удрал с Планеты Негодяев вовсе не в систему безымянной нейтронной звезды... Нет, с этими гипотезами об иномерных вселенных можно голову потерять... Конечно же, бежали они в систему именно безымянной и именно нейтронной звезды, только не в нашем Космосе, а в одном из тех, что буквально у нас под ногами. Там ведь тоже вселенная на миллиарды световых лет, со своими галактиками и со своим разумом, только слегка менее стабильная, нежели наша... Там противник, конечно, съезжился, может быть, даже раз в десять, значит, и время течет для него в десять раз быстрее. Старость не радость, вот тут-то и понадобился срочно чудо-доктор Итай-Итай... Но это уже соображение несколько житейского, так сказать, порядка, а гипотеза не исключала, что тяготеющие массы в соседствующих «матрешках» как-то привязаны друг к другу, и тогда что же — внутри нашей Земли, на расстоянии мерного перехода тоже... планета?

Гипотеза эта получила подтверждение со стороны совершенно неожиданной. Как мы знаем, сразу после военного совета Ваня устремился к некоему своему источнику информации. А дело в том, что был ему известен и благополучно жил на свете вот уже шестое столетие некто Лупа,

более известный широким культурным массам как литературный персонаж под именем Пузатый Пацюк.

Происхождение его было покрыто мраком неизвестности. Решительно никто не знал, был ли он человеком или реликтом тех диких культур, что процветали на нашей планете задолго до того, как первый питекантроп насадил волосатой лапой на дубину булыжник с дыркой, а затем сгинул по несущественным ныне причинам.

Насколько помнит себя Чудное Приднестровье, проживал Пупа всегда в одном и том же месте — сначала в пещере, затем в землянке, а с восемнадцатого века уже в белой хате на правом берегу Ворсклы в десятке верст к северу от славной Полтавы; в грозные годы нашествий и гражданских смут уходил вместе с партизанами в леса; занимался знахарством в самом широком смысле этого слова, прочно стяжал себе репутацию знатока, панибрата и чуть ли не вожда так называемой нечистой силы, досуги же свои отдавал гастрономическим наслаждениям галушками в юшке из телятины и варениками со сметаной, а то и горилкой.

В описываемое время чисто выбеленная хата его с приусадебной бахчой и пчельником стояла в плотном окружении цельнометаллических клунь, и окрестные ребята, великие знатоки нейтринного моделизма, внепространственных двигателей и подводного спорта, постоянно лазили к нему за арбузами и дынями, а он делал вид, будто ничего не замечает, только фыркал в сивые висячие усы и учинял так, что арбузы и дыни у него не переводились.

Время от времени, помимо неслыханного аппетита, симпатий к детишкам и знахарских талантов, проявлял Пупа и способности другого рода. В наш век неслыханного расцвета позитивных наук и технологического прогресса, в наш сугубо рационалистический век, нет-нет, а забрезжит ни с того ни с сего то у одного, то у другого смутная, туманная надежда на интуитивное знание, на кратчайший путь в поиске истины. И вот случалось, и даже по нескольку раз в год, что переступали порог Пацюковой хаты блестящие научники и мастера из Москвы, из далекого Хошимина, из еще более далекого Макарова на Титане, являлись и с робкой поспешностью излагали лелеемую идею, заветный планчик, сердцем выношенный проектец, ожидая только ответа: выйдет затея или не выйдет. Странно это и пока совершенно необъяснимо, но только Пупа никогда не ошибался. Погладит, бывало, себя по гигантскому чреву и коротко буркнет: «Выйдет. Валяй». И обязательно выходило. Конечно, через большой труд, все равно, через уйму усилий, но ведь всегда выходило, как хочешь, так и понимай! Но уж если Пупа изрекал: «Не дело. Брось!» — тогда уж все. Можешь всю

жизнь биться, ничего у тебя не получится. Даже у маститых академиков бывало выражение «сходил к Пупе» — это когда кто-нибудь из коллег, увлеченный искрометной мыслью, вдруг внезапно к ней охладевал и обращался к чему-нибудь совершенно иному.

Вот к этому-то Пупе, к Пузатому Пацюку, и направился Ваня после военного совета.

И все пошло по сценарию с кузнецом Вакулой, столь дивно выпisanному веку назад великим Гоголем.

Не без робости отворил Ваня дверь и тут же увидел Пупу, сидевшего на полу по-турецки перед стареньким магнитофоном, на крышке которого стояла миска с галушками. Эта миска стояла, как нарочно, наравне с его ртом. Склонив слегка голову к миске, он хлебал превосходный бульон, схватывая по временам зубами галушки. И видимо, крепко он был занят галушками, потому что, казалось, не заметил прихода Вани.

— Я к вашей милости, товарищ Пацюк, — сказал Ваня, кланяясь и улыбаясь самой своей протодушной улыбкой.

Пупа поднял голову и снова склонился к галушкам.

— Объявились у нас злодеи, — сказал Ваня, — а где они, как до них достать, мы не знаем...

Пупа взглянул и снова принялся за галушки. Ваня кашлянул.

— Всем известно, товарищ Пацюк, — произнес он, кланяясь снова, — что вы многое знаете из того, чего не знает никто. До злодеев же надо добраться поскорее, пока они новых черных дел не натворили... Скажите, как быть?

— Когда нужно злодеев, то и ступай к злодеям, — ответил Пупа, продолжая убирать галушки.

— Для того-то я и пришел к вам, — ответил Ваня, отнеся новый поклон. — Кроме вас, думаю, никто на свете не знает к ним дороги...

Пупа ни слова и доедал остальные галушки.

— Сделайте милость, товарищ Пацюк, не откажите! — наступал Ваня. — Новую ли книжку, билетик на премьеру ли, на вернисаж, ну, марсианской бормотухи бутылочку, живого ледку с Тибета или иного прочего, в случае потребности... как обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся. Расскажите только, как, примерно сказать, попасть к злодеям в гнездо ихнее?

— Тому не нужно далеко ходить, у кого злодеи под ногами, — произнес равнодушно Пупа, не изменяя своего положения.

Ваня прищурился, соображая, затем снова устался на Пупу. «Ну, еще словечко, еще словцо!» — безмолвно спрашивала его мина, а полуотверстый от напряжения рот готовился проглотить, как галушку, этожданное слово. Но Пупа молчал.

Тут заметил Ваня, что ни галушек, ни магни-

тофона перед ним не было, но вместо того на полу стояли две серебряные миски: одна была наполнена варениками с вишней, другая — сметаной. Мысли его и глаза невольно устремились на это кушанье. «Посмотрим, — проговорил он сам себе, — как будет Пупа есть вареники. Наклоняться слишком низко ему неловко, брюхо мешают, да и смысла нет — нужно вареник сперва обмакнуть в сметану...»

Только что успел он это подумать, как Пупа разинул рот, поглядел на вареники и еще сильнее разинул рот. И тут же вареник выплеснулся из миски, шлепнулся в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал Пупе в рот под сивые усы.

«Телекинез! Вот это мастер!» — подумал Ваня и тут же обнаружил, что и к нему в приоткрытый рот лезет обсметанный вареник, да такой отличный, смачный, благоухающий вишневой печенкой. И съел Ваня этот вареник, и облизнулся, и съел еще один, и еще один, и еще десяток, и тогда Пупа сказал, обтирая губы салфеткой:

— Ступай, Ванька. Я тебе все сказал. Злодеев искать не придется, сами придут. Ты только там не сдрейфь. Ступай.

Ваня поклонился в последний раз и опрометью выскочил из хаты.

Об этом вспомнилось ему теперь здесь, на Черной Скале, когда стоял он у самой кромки воды, засунув руки в глубокие карманы пятнистого десантного комбинезона, а еще вспомнились ему полные безнадёжного отчаяния глаза Тзаны, когда прощались они на вилле Атоса, и мама с отцом, и еще столь многое сразу, что даже странно становится, право, сколько воспоминаний помещается в восемнадцатилетнем парне!

Глава восьмая

В трех шагах от Вани сидел на обломке скалы флагман Макомбер в такой же пятнистой форме, посвистывал сквозь зубы и думал безотчетно о том, что все еще повинаивает здесь мазутом, а вспоминалась ему встреча час назад на гидропланной базе с человеком мужественного облика, который подошел к нему, стеснительно поздоровался и сказал:

— Флагман Макомбер, если не ошибаюсь?

— К вашим услугам.

— Вы меня не помните, конечно... Старик Саша я, Александр Кушнер, старший хирург «Моби Дика»...

— А! — сказал флагман Макомбер. — Это вы сообщили о несчастных тюленях...

— Да-да, я, однако не в этом дело... Мы с вами встретились однажды лет двадцать назад здесь неподалеку, у дядюшки Витемы...

— Ага, как же, как же... Дядюшка Витема «Одинокий ландыш»... Отличный дядька, отличная индейка под гвоздичным соусом... Как он поживает?

— Не знаю, он уехал куда-то... — Старик Саша, он же Александр Кушнер, помялся не много, затем проговорил: — Скажите, флагманы вы не помните?... Галя. Девушка такая была с нами в тот вечер у дядюшки Витемы... Вы ее потом не встречали?

Флагман Макомбер проницательно на него посмотрел.

— Встречал, — ответил он. — Даже неоднократно.

— Ну, и что она?.. Как она?..

— По-моему, неплохо. Работает. Замужем. Да вот ее сын стоит, он тоже в моей группе.

Старик Саша смутился. Старик Саша конфузливо улыбнулся. Он словно бы осознал, с какими пустяками пристаёт к человеку, уходящему сейчас в смертельную, может быть, дело. И о промямлил неловко:

— Значит... гм... вы идете... туда... гм...

— Значит, идем, — ответил серьезно флагман Макомбер.

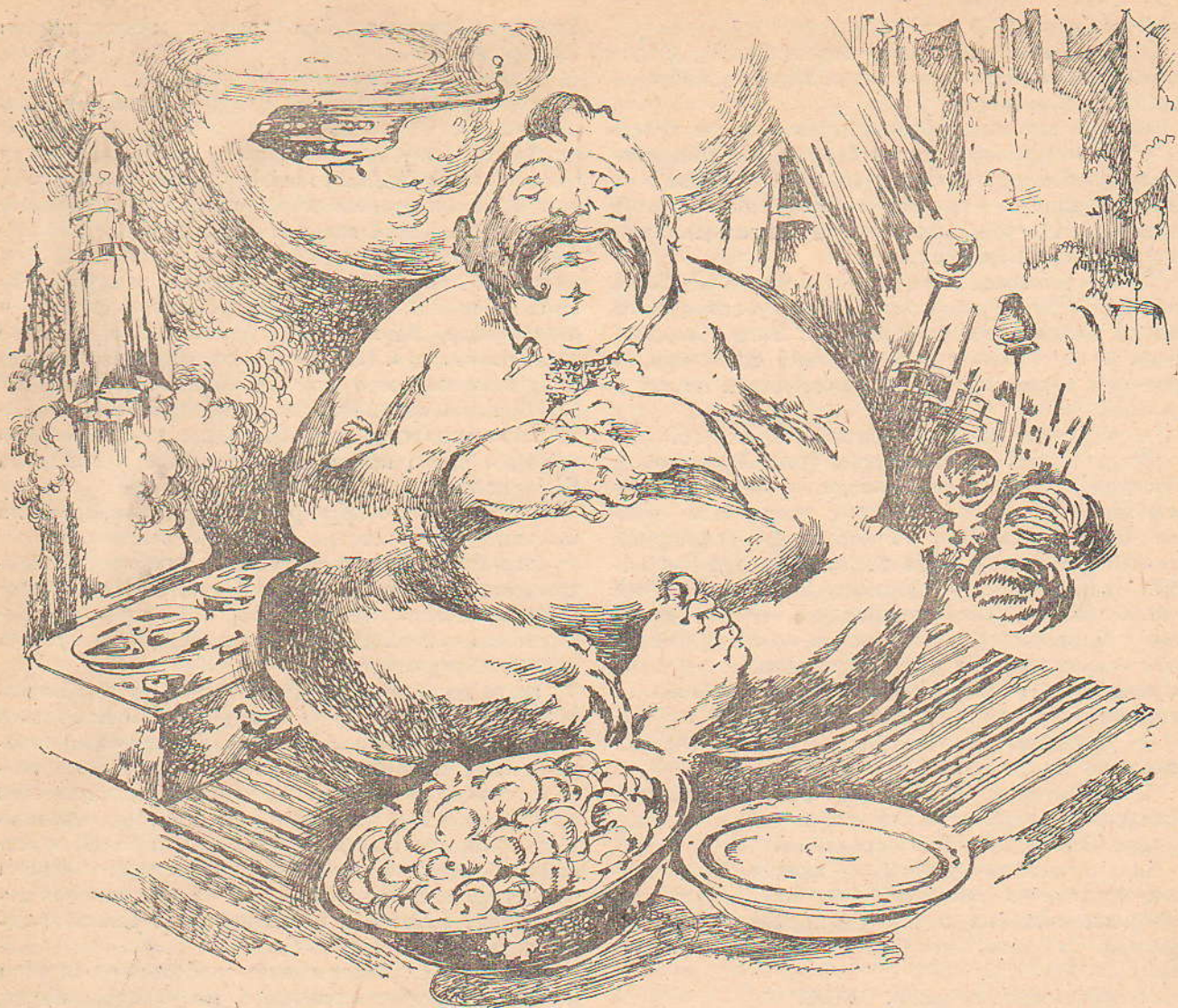
— А вы их здорово ненавидите? — спросил вдруг Старик Саша.

Флагман Макомбер изумленно воззрился на него.

— Мой друг, — произнес он, беря Старика Сашу за пуговицу. — Усвойте одну важную вещь. И усвойте навсегда. Ненависть — это пережиток страха. А я никогда никого и ничего не боялся. Они меня раздражают, это так. Но ненавидеть Отцепенцев этих? Как бы не так!

Тогда он потрепал Старика Сашу по плечу, а теперь вспомнил о нем с рассеянным ощущением приязни.

Двуглавый же Юл развалился рядом на скамьях, подперев левую голову могучей дланью. Был он в боевой своей черной одежде и черных перчатках, изготовленных неведомыми умельцами неведомых миров, только кобуры в поясе были у него пустые. Штаб объявил, что по весьма веским причинам морально-этического свойства группа пойдет в дело без оружия. Этого Двуглавый Юл не хотел и не мог понять, но, во-первых, его не спрашивали, а во-вторых, как опытный вояка он прекрасно понимал другое. Оно, конечно, куда как славно было бы ввалиться в логово Великого Спрута на каком-нибудь этойкой машине, комбинации глубоководного танка и позитронного эмиттера, оснащенной вдобавок еще и силовой защитой, да ведь перестав таким гостем подлец Крэг нипочем свои ворота не откроет — «дыру», «воронку» или что там у него... Про личное оружие и вообще думать не приходилось. Уж он-то хорошо знал холу Великого Спрута, эти бандиты, полоумные истеричные мерзавцы, при виде пистолета и

даже простого охотничьего ножа и рта не дадут никому раскрыть, тут же примутся палить из автоматов и швырять бомбы...

Сейчас, прислушиваясь к плеску прибрежной волны, правая голова его размышляла о том, что не зря, ой как не зря вылечил его двадцать лет назад чудо-доктор Итай-Итай от всех болезней, в том числе и от алкоголизма, но оставил то, что под черной повязкой на месте правого глаза. Левая же голова простодушно дивилась неисповедимым причудам судьбы: снова занесло его на этот неказистый остров, где он провел пленником без малого три года, привыкал к Земле и землянам, учился доброте и пониманию в обществе здешних тюленей... а их детей и внуков безжалостно и походя утопили в мазуте... а какой прекрасный народец был...

Двуглавый Юл посмотрел на Ваню, и вдруг тоска и ярость охватили его. «Ну, Ваньку я им на муки не отдам! — с лютой злобой подумал

он. — Как там ни пойдут дела, а их сто ляжет и я сто первым, прежде чем они до Ваньки доберутся...»

Ваня стоял на берегу и напевал вполголоса:

Почетна
И завидна наша роль,
Да, наша роль, да, наша роль!
Не может
Без охранников король!
Величество должны мы уберечь...

Час пробил.

Широкая багровая тень пала с синего неба на северный берег Черной Скалы, невидимый и неслышный вихрь подхватил наших троих героев и швырнул в бездну вместе с клочьями соленой океанской пены, охапкой высохших водорослей и десятком булыжников, отдающих мазутной вонью.

Да, пробил 13-й час.

В зале на шестнадцатом этаже Дворца Совета погасли все полторы тысячи экранов нейтринных телеприемников.

Тонким звоном прозвучали на пультах сигналы с гравитационных пеленгаторов, и в трехмерной схеме окрестностей Черной Скалы возник красный шарик — проекция пятимерного устья «воронки» или «дыры», если угодно, открывшейся в наше пространство.

Снова зажглись экраны, но больше не было трех фигурок на каменистом берегу острова, их словно корова языком слизнула. Зато вынырнула из-за горизонта и стремительно понеслась на зрителей серая, тускло отсвечивающая на солнце масса.

— «Гречко» пошел! — прошептал кто-то.

Да, это был межпространственный космоход «Гречко», стометровый уют, ошетиженный гравитонными пробойниками, с округлым чехлом биопарализатора на корме. В трехмерной схеме он возник в виде золотой звездочки, которая устремилась к красному шарiku и тут же с ним слилась, а на экранах он через секунду уже с неяркой вспышкой исчез на фоне синего неба — выскочил из нашего пространства в не успевший еще затянуться тоннель слабину от «воронки» между пространствами.

— Двадцать одна секунда, — бесстрастно доложил робот-оператор.

Это означало, что «Гречко» втиснулся в межпространственный переход через двадцать одну секунду после закрытия «воронки».

Снова погасли и сейчас же зажглись нейтринные экраны, но никто уже на них не смотрел. Все уставились на экран темпорального индикатора. От того, что он покажет, зависело многое.

И вот появилось число: 0.0002.

По залу пронесся долгий вздох. Кто-то шепотом выругался. Атос мертвой хваткой вцепился в руку Арамиса.

— Ай-яй-яй, как скверно! — проговорил председатель Комиссии по чрезвычайным происшествиям.

Две десятитысячных секунды! Всего на такое мизерное время открылась «дыра» в наше пространство. Но чтобы понять, почему это обстоятельство повергло зал во Дворце Совета в разочарование и растерянность, надлежит нам прибегнуть к арифметике.

Выше уже говорилось, что по теории «матрешки пространств» темп времени в иных пространствах должен быть либо выше, либо ниже, нежели в нашем. Некоторые обстоятельства, о которых здесь не стоит упоминать, заставляли предположить, что в нынешнем логове Великого Спрута время течет быстрее, чем у нас. На сколько быстрее? Вдесятеро? В сто раз? Никто этого не знал, но сто раз, триста раз — это был

предел, допускавшийся самыми осторожными специалистами.

Что же оказалось на самом деле?

«Дыра» открылась на две десятитысячных секунды.

Даже если предположить, что машинери Искусника Крэга работает столь же оперативно, как самые совершенные межпространственные аппараты землян, все равно противнику должно было понадобиться не менее десятка секунд своего времени, чтобы открыть «дыру», втащить к себе в облаке мазутной вони флагман Макомбера, Ваню и Двуглавого Юла и снова закрыть «дыру». Но для нас этот десяток секунд продолжался всего две десятитысячных секунды. Почти всем организаторам операции «Контратака вовнутрь» под силу было решать в уме дилеммы, а уж о простой арифметике и говорить было нечего.

Итак, время в пространстве противника текло быстрее, чем в нашем, в десятки тысяч раз!

Это было ужасно. Это было ужасное, вопиющее, именно фантастическое свинство со стороны теории вероятностей, теории «матрешки пространств» и любых теорий вообще, ибо отсюда неумолимо следовало:

за те двадцать секунд, которые понадобились могучему космоходу «Гречко», чтобы добраться до устья «воронки», плюс за те секунды, которые понадобились ему, чтобы по гравитационным завихрениям протиснуться в пространство противника, там прошел не час-полтора, как планировалось, а многие сутки, может быть, и месяцы, и все это поистине бесконечное время: наши герои сражались там... или, скажем уж откровенно, были там сражаемы без всякой поддержки.

Конечно, оставалась еще слабенькая надежда на благоразумие мерзавцев, на их страх перед возмездием, на извечную бандитскую склонность спасать свою шкуру за счет шкуры подельщика... и что ни говорите, а неуязвимый «Гречко» уже там...

Но надо было смотреть правде в глаза. Земля рискнула, и Земля проиграла первый раунд. Противник вел со счетом 1:0.

Глава девятая

На самом же деле противник вел со счетом 2:0.

Замысел операции «Контратака вовнутрь» был прост, как пареная репа. Тройка храбрецов сознательно подставлялась как наживка. Сглотив эту наживку, противник неизбежно оставлял след в пятимерном гравитационном поле. След этот в виде ламинарных осцилляций держался в межпространственных паузах неопределенно долго, и для гравитонных про-

бойников космолета «Гречко» он был все равно, что валерьянка для кошачьего носа. По замыслу операции «Гречко» должен был ворваться в пространство противника через час-полтора после захвата группы, и тогда уже разговор был бы другой — вплоть до мгновенного повержения всей органической и неорганической жизни в логове Великого Спрута в безболезненный, но глубокий сон на сколько понадобится. Эти самые час-полтора представлялись организаторам и исполнителям операции самым опасным, даже смертельно опасным этапом. Обнаружив, что чудо-доктор среди захваченных и не пахнет, осатаневшие бандиты могли их просто-напросто перебить на месте. Что ж, к этому земляне были готовы. Все-таки главной целью операции было обнаружить противника и полностью и навсегда его обезвредить. С точки зрения флагмана Макомбера, Вани и Двуглавого Юла игра безусловно стоила свеч, остальные же ничего лучшего предложить не могли.

Впрочем, по мнению землян, имелся весьма жирный шанс на то, что противник поопасется делать сразу же резкие движения. Нормальный расчет на благоразумие мерзавцев, на их страх перед возмездием, на их готовность в любой момент спасти свою шкуру за счет шкуры соучастников. Флагман Макомбер рассчитывал так или иначе втянуть главарей в переговоры, убедить их в том, что на чудо-доктора надеяться не приходится, а надеяться следует исключительно на добрую волю Земли и на ее медицину, тоже, кстати, весьма неплохую, а для этого лучше всего, не теряя драгоценного времени, задрать конечности вверх и сдаться на неизреченную милость самой гуманной расы в обозримой Вселенной, и это было бы тем более разумно, что вот-вот следом за ним, флагманом Макомбером, и его друзьями грянет некто, с кем уже не очень-то поразговариваешь...

Разумеется, и на таком пути могли возникнуть всевозможные осложнения вплоть до обмена оскорблениями действием, но это уже, как говорится, издержки смелого предприятия, а вообще-то шанс продержаться час-полтора у наших героев несомненно, как они считали, был.

Но!

Во-первых, как мы уже знаем, могучий космолет «Гречко» никак не мог появиться в пространстве противника ни через час, ни через полтора часа, и разведывательно-диверсионная группа флагмана Макомбера оказалась предоставлена самой себе на куда более значительное время.

Во-вторых, бандиты хотя и не перебили наших героев на месте, но и не дали им никаких шансов затеять переговоры.

Похождения группы в логове Великого Спрута будут описываться здесь главным образом со слов и с точки зрения Вани, сына Портоса, интраоптика и бродячего артиста. Причин тому

несколько, кое-какие из них выясняются в ходе повествования, но главная состоит в том, что именно из Ваниного рассказа, изобилующего деталями и эмоциями, составилось у нас наиболее яркое, наиболее красочное, наиболее отчетливое представление о событиях.

Прежде всего выяснилось, что даже хорошо закаленный человеческий организм совершенно не подготовлен к тому, чтобы его протаскивали сквозь уровни «матрешки пространств». Ужасные ощущения, которые испытывал при этом Ваня, описанию не поддаются. Однако во всех временах и во всех пространствах всему на свете приходит конец. Ваня почувствовал, что его перестали прокручивать на гигантской мясорубке, и ужасные ощущения его покинули, оставив после себя медленно гаснущие искры под зажмуренными веками, утихающий звон в ушах, сильный медный привкус во рту и зуд по всему телу от лица до пяток. В нос была гниловатая вонь болотных испарений.

— Готово! — прокрипел отвратительный голос. — Вот они, голубчики! А ну, мокрицыны дети, берись! Этого в «синий трюфевый», этого в «черный бубновый», а этого, двухголового, ко мне в «особую», сама им займись!

Ваня глаз разжмурить не успел, как вонючие мохнатые лапы подхватили его и поволокли куда-то. Он попытался было воспротивиться, но на его голову обрушился тяжелый мягкий удар, и он тут же обмяк.

Нет, никаких переговоров не получилось. Сразу по прибытии их растащили по разным помещениям и принялись допрашивать.

Ваня оказался в кубическом помещении размером примерно 3 на 3 и на 3 метров со стенами из ржавых железных листов и с белым потолком, посредине которого красовалось изображение бубнового туза черного цвета. Два огромных тарантула, покрытых редкой щетиной по белесой шкуре, с ловкостью, свидетельствующей о богатой практике, мигом оплели Ваню по рукам и ногам паутиной толщиной в мизинец и встали перед ним, угрожающе покачиваясь на растопыренных мохнатых лапах, злобно уставившись на него тусклыми пуговицами глаз — по шести на каждого.

Впрочем, это были всего лишь подручные, а главным там был гигантский богомол, совершенно заплесневелый от старости и шибко страдающий то ли от каких-то паразитов, то ли от какой-то кожной болезни. Плоскую хитиновую харю его между выпученными глазищами украшала зажившая трещина, ханжески сложенные перед тощей грудью зазубренные руки-клешни были испачканы комковатыми потеками — должно быть, остатками завтрака. Или обеда. Словом, зрелище он собой являл отвратное, хуже чем тарантулы.

С минуту он разглядывал Ваню, поворачивая

башку справа налево и слева направо, затем проскрипел:

— Это ты. Я тебя узнал.

— Вы — меня? — удивился Ваня.

— Да. Не отпирайся. Это ты двадцать лет назад треснул меня багром между глаз. На Планете Негодяев.

— Помилуйте, — сказал Ваня. — Я никогда не был на Планете Негодяев.

— Посмотри на меня, — проскрипел богомол.

— Смотрю.

— Я — богомол Синда. Ужаснись.

— Пожалуйста, если вам так удобнее. Ужасаюсь.

— Правильно делаешь. Хвалю. У меня не врут. У меня говорят правду.

— Но я и говорю правду! Не я это!

— Верно. Это не ты. Потому что ты — доктор Итай-Итай.

Ваня вытаращил глаза.

— Кто?

— Ты. Ты — доктор Итай-Итай. Не отпирайся.

— Вы ошибаетесь, — проникновенно произнес Ваня. — Доктор Итай-Итай вообще еще не...

— Ты не доктор Итай-Итай?

— Нет же, говорю вам... Дело в том, что...

— Где доктор Итай-Итай?

— Слушайте, гражданин Синда, я же говорю вам: доктор Итай-Итай еще не родился! Он родится только через три столетия! Давайте я вам все объясню...

— Я не нуждаюсь в объяснениях. Кто из вас доктор Итай-Итай?

— Тьфу, пропасть! — разозлился Ваня. — Что за бестолочь... Вы меня выслушать можете или нет?

— Ты меня утомил. Ты все время врешь. У меня говорят правду. Придется пытаться.

И Ваню принялись пытаться. Это было необычайно болезненно и тягостно, и совершенно бессмысленно. Ах, недаром Мээс так ужаснулся, когда ему предложили принять участие в экспедиции! Пытали мясники сигуранце-дефензивогестапного толка, готовые зверски замучить хоть сотню носителей разума в расчете на то, что в агонии хоть одна из жертв выдаст нужную информацию. Никакие объяснения их не интересовали.

— Ты — доктор Итай-Итай?

— Нет!

— Врешь. Говори правду. Где доктор Итай-Итай?

— Не родился он еще, сказано вам!..

— Врешь. Кто из вас доктор Итай-Итай?

— Нет его среди нас!

— Врешь! Подверните ему нижние конечности. Ты — доктор Итай-Итай?

Было больно. Было зверски больно. Хрустели кости, жутко пахло паленым мясом. Останавливалось время. Доколе? Где «Гречко»? Где наши?

Бешено колотилось сердце, бешено звенела печень, вразнос пульсировала селезенка, гоня кровь, гормоны, антитела к ожогам, порезам, разможенным мышцам. Сквозь багровую муть застилавшую сознание, Ваня думал: надо выдерживать, я выдержу, а как там флагман, он ведь пожилой, он может умереть, не умирай, флагман, и ты, Юл, старый пират, держись, не погибни, а уж я-то выдержу...

— Ты — доктор Итай-Итай?

— Заткнись, бестолочь, насекомое!

— Говори правду. Где доктор Итай-Итай?

— Фига тебе, а не доктор Итай-Итай!

— Прибавьте огоньку. Кто из вас доктор Итай-Итай?

— Мало тебя треснули по морде, богомол, ханжа паршивая!

Время от времени в железный куб врывался еще кто-то, щелкал серповидными челюстями и отвратительно скрипел:

— А взбуктетьте его! А взъерепеньте его! Чтобы почувствовал! Что это, Синда, да он у тебя даже не вспотел! Ух ты, мой болезный... Только смотри, Синда, чтоб не до смерти!..

Время остановилось, побежало вспять. Вот и Тзана, Принцесса: «Послушай, Трубадур, когда сцена с поцелуем, не надо так всерьез, ведь малыши смотрят!..» Отец: «Падать тоже нужно уметь, Иван, ты расслабься, ты не грохайся, а шлепайся!..» И дядя Атос... И дядя Арамис... Мама: «Ах ты мой Ванька-Зайка, возьми гребень, расчеши маме волосы, учись, Золотистик-Пушистик, будешь невесте волосы расчесывать...»

Так прошла набитая болью вечность, а на самом деле прошло трое суток, и пытка кончилась. Ваню развязали, и он мешком шлепнулся на железный пол. Над лицом его низко склонилась, поводя сизыми бельмами, уродливая ряха — на кончиках страшных серповидных челюстей дрожали мутные капли яда. Конопатая Сколопендра проскрежетала:

— Ух ты, пленничек-заложничек... Ух, и поцеловала бы я тебя, красавчик, в бело личико! Ладно, живи пока. — И она скомандовала тарантулам: — В тюрьму его, в камеру к тем!

Ваню подхватили под бока и поволокли. Ноги его волочились по полу, голова не держалась, но он громко пел:

Говорят, мы бяки-буки,
И как только
Носит нас земля...

Это ему казалось, что пел он громко, а на самом-то деле шептал, еле шевеля распухшими губами. Его втащили в гулкое помещение, залаяло железо, его раскачали и швырнули, и он упал на заботливо подставленные руки.

— Ваня! — сипло воскликнула правая голова Двуглавого Юла.

— Ванечка! — прохрипела левая голова

всхлипнула.—Господи, флагман! Смотрите, он же седой весь! Ах, гады!

— Тихо, Юл,— пробормотал флагман Макомбер.— Осторожно, кладите сюда... Да тихо же вы!

Двуглавый Юл всхлипывал и ругался, как помешанный. Ваня счастливо улыбнулся и провалился в бездонное забытие.

Он очнулся через 24 часа. За это время его молодой организм хорошо поработал над повреждениями, которые причинили ему палачи огнем и железом, а флагман Макомбер с помощью Двуглавого Юла вправил ему вывихнутые суставы. Здесь стоит упомянуть, что к описываемому времени каждого землянина едва ли не с грудного возраста тренировали на самоисцеление, так что Ваня, очнувшись после глубокого сна, вновь был совершенно здоров, бодр и готов к новым переживаниям. Только был он теперь и остался до конца дней своих

седым, как лунь, да еще почерневшее, обтянутое лицо его напоминало о перенесенных страданиях.

Первое, что он ощутил после пробуждения, был лютый голод и не менее лютая жажда. Он наспех пожал руки флагману Макомберу и Двуглавному Юлу и весьма выразительно щелкнул зубами. Флагман немедленно придвинул к нему обширную пластмассовую кювету, наполненную с верхом каким-то сероватым крошевом, и помнятое жестяное ведро. При ближайшем рассмотрении крошево оказалось смесью мелко нарубленной сушеной рыбы и лапши из сушеных медуз, в ведре же была мутная тепловатая вода. Ваня вопросительно взглянул. Флагман Макомбер объяснил, криво усмехаясь:

— Яство и питье от щедрот Великого Спрута. Полагаю, живность из арктической водички и сама водичка, слегка опресненная.

Ваня кивнул и принялся насыщаться. Яство

по вкусу и консистенции напоминало изношенную резиновую подошву, но зубы у Вани были превосходные, а пресность угощения прекрасно компенсировалась соленостью арктической водички. Ваня грыз и молот с таким усердием и треском, что у Двуглавого Юла запищало за ушами, и флагман Макомбер стал невольно приговаривать: «Легче, Ванюша, не так усердно!..»

Когда кювета и ведро опустели, Ваня ковырнул ногтем мизинца между зубами и задумчиво произнес:

— Ничего была еда. Только луку мало...

Затем он впервые огляделся. Они находились в узкой и тесной клетке с низким каменным потолком, стенами из железных прутьев и с решетчатой же дверью, запертой снаружи на тяжелый амбарный замок. Под потолком на голом шнуре висела лампа, пыльная, но мощная, излучавшая не только много света, но и заметное тепло. За железными прутьями стен справа и слева располагались такие же клетки, и шеренга таких же клеток видна была по ту сторону коридора, проходившего перед решетчатой дверью. И в каждой из этих клеток — и справа, и слева, и за коридором — Ваня, прикрывшись ладонью от света лампы, разглядел щетинистые бурые туши величиной с барана, задранные углами мохнатые лапы, россыпи больших, будто лошадиных, глаз. И они слабо шевелились, эти туши, издавали шипение и шорохи, невнятно переговаривались поскрипывающими голосами...

Флагман Макомбер крепко взял Ваню за локоть.

— Спокойно, юноша, — проговорил он. — Это спайдеры. Они тоже пленники, только им еще хуже, чем нам.

Ваня глубоко вздохнул и посмотрел на друзей.

— Флагман Макомбер, — сказал он. — Юл, старый пират. Мне очень хотелось бы знать, что произошло, каково наше положение и что нам надлежит предпринять.

Глава десятая

Двуглавному Юлу исключительно повезло.

Конопатая Сколопендра, баба вздорная, мстительная и злопамятная, решила заняться им сама, и его поволокли к ней в «особую» пыточную камеру, оборудованную по последнему слову техники. Там была и циркульная пила для грубого расчленения, и центробежный насос для закачивания во внутренности разных жидкостей, и металлический обруч переменного диаметра, оборудованный микрометрическим винтом, и ультразвуковой вибратор для максимально болезненного отделения эпидермиса, и лазерная установка для... тьфу, право, перечислять противно. Коротко говоря, технические пособия у

Конопатой Сколопендры были какие угодно, только выбирай.

Но эффективный выбор предполагал хотя бы минимальную осведомленность относительно наиболее уязвимых для боли участков организма пытуемого. Об организме же Двуглавого Юла старая ведьма не знала ничего. Особенно ставила ее в тупик двуглавость. Она задала прямой вопрос. Юл резонно ответил, что никогда не был и не будет себе врагом. «Дурак, — сказала Сколопендра. — А ежели я нажму тебе на что-нибудь не то, и ты в одночасье загниешься?» Юл упорствовал. Тогда она кликнула взвод тарантулов и приказала им отыскать у Юла болевые точки силой. Произошла свалка. Двуглавному Юлу было не впервой иметь дело с тарантулами: в свое время он не раз дрался с тарантульими патрулями в портовых кабаках, озаренных кроваво-красным блеском Протуберы и мертвенно-синим сиянием Некриды. В свалке он откусил семь ног у трех тарантулов, но в конце концов его одолели и связали.

Но Конопатая Сколопендра была уже вне себя от бешенства. Во время драки кто-то крепко лягнул ее в подбрюшье, и она начисто отказалась от намерения позабавиться с Двуглавым Юлом по всем правилам науки. «На пилу его!» — завизжала она, и Юла швырнули на платформу циркульной пилы. Он совсем уже приготовился пустить в ход свой последний ресурс... гм-гм... сказать последнее прости своей прекрасной жизни, как вдруг в камеру ворвался жирный бас Великого Спрута.

Этот в высшей степени деловой носитель разума, неимоверно богатый мерзавец и бывший владыка Планеты Негодяев заговорил через динамик облупленного интеркома и начал с того, что обрушил на Конопатую Сколопендру град ругательств. Выяснилось, что Конопатая Сколопендра — никуда не годный политик, растратчица хозяйского добра, бесполезная дармоедка, беспардонная авантюристка, неумеха, каких обозримая Вселенная не видывала, и вообще дура набитая. Сколопендра выслушала все это с должным смирением, а когда Великий Спрут задохнулся, смиренно спросила, чем это она прогневила батюшку. Видимо, смирение это несколько охладило делового носителя разума, и он перешел к конкретным обвинениям. Вот тут-то и началось самое интересное.

(Двуглавый Юл лежал связанный в сантиметре от зубьев циркульной пилы, тарантулы попрятались по углам, Конопатая Сколопендра в почтительной позе мотала хитиновым черепом перед интеркомом.)

Во-первых. Как это прекрасно известно Сколопендре, более двадцати лет назад бывшему вольному пирату, а ныне предателю Двуглавному Юлу был в счет расходов на экспедицию за мозгами землян выдан аванс в размере ста миллио-

нов, а также взверен в аренду контрактор стоимостью в сто пятьдесят миллионов. Таким образом, на упомянутом Двуглавом Юле, бывшем вольном пирате, а ныне предателе, висит долг на сумму в двести пятьдесят миллионов. Он, Великий Спрут, готов с полным пониманием отнестись к садистским увлечениям Конопатой Сколопендры, но с кого он тогда эти двести пятьдесят миллионов получит? Совершенно очевидно, что Двуглавый Юл, распиленный циркульной пилой на произвольное число обрезков, станет неплатежеспособным, и тогда ему, Великому Спруту, останется только взыскивать сумму долга с нее, Конопатой Сколопендры, а это — дело совершенно бесперспективное, ибо всем известно, что она, ядовитая карга, не имеет за душой ни полушки, поскольку все свое огромное жалование пропивает начисто. Именно поэтому он, Великий Спрут, категорически запрещает учинять должнику Двуглавному Юлу какие-либо членовредительства впредь до выплаты последним начисленного на него долга.

Во-вторых. Если все же окажется, что ни один из захваченных землян, этих неразличимых шуток размером с тележное колесо и с хвостами вместо всего прочего, не является чудодоктором Итай-Итаем, все равно всех пленных с Черной Скалы ни в коем случае нельзя доводить до смертного конца, ибо для реального политика они представляют собой клад поистине неоценимый. Даже такой ядовитой дуре, как она, Конопатая Сколопендра, должно быть ясно, что в самом крайнем случае их можно использовать как заложников, либо как обменный фонд, а при удаче и вообще перетянуть на свою сторону, прельстив богатым вознаграждением и прочими благами, и уж тогда ему, Великому Спруту, вся их планетка с кислородом, хлорофиллом, водой и красной кровью будет морем по колению, и вернется, может быть, славное старое время вселенского бизнеса.

Одним словом, ей, патентованной задрыге Сколопендре, надлежит оставить Двуглавого Юла в покое и переправить его в тюрьму, и непременно проследить, чтобы ее мясники не перестарались, усердствуя над остальными двумя пленниками...

— Вот так, Ваня, — заключил свой рассказ Двуглавый Юл. — Надавали мне тумачков по чавкам, развязали и поместили сюда.

Рассказывал он обстоятельно, смакуя подробности, то и дело похихатывая и возбужденно блестя тремя своими глазами. По лицу флагмана Макомбера было видно, что историю эту он слушает по крайней мере в четвертый раз, но рассказчика он не прерывал и не торопил — должно быть, понимал, в каком нервном напряжении пребывает их двухголовый друг, и считал полезным позволить ему эту маленькую разрядку.

Когда же настала его очередь, он очень коротко сообщил, что допрашивало его какое-то существо, похожее на чудовищно разросшуюся актинию, а начало оно с того, что приказало своим тарантулам повесить его за ноги. В таком положении он пробыл почти сутки, но палачи не знали, что он опытный космолетчик и способен переносить такие положения хотя бы и месяцами. Сначала от него добивались признания, что он и есть чудо-доктор Итай-Итай, а затем словно бы начисто забыли об этом и все время бились об заклад, сколько он так провиснет, пока не сдохнет. Затем явилась Конопатая Сколопендра в сопровождении двух молодых богомолов, они выбили актинию из камеры палками и спустили флагмана Макомбера на пол. Сколопендра сама допрашивала его, упирая на то, что признание ничем ему не грозит, была очень любезна и ограничилась тем, что вырвала у него два ногтя на левой руке. После этого его препроводили в тюрьму и посадили вместе с Юлом.

Совсем уж коротко рассказал о своих переживаниях Ваня. Когда он закончил, Двуглавый Юл скрипнул зубами и крепко потер зеленоватые ладони. А флагман Макомбер, щурясь на свет лампы, произнес:

— Ты держался молодцом, Ваня. Достойный сын нашего Портоса. Впрочем, удивляться тут нечему. Перейдем к делу, друзья.

Он повернулся к решетчатой стене справа и негромко окликнул:

— Рамкэг, будьте любезны...

Щетинистая бурая туша в соседней клетке шевельнулась, со стуком переступили задранные углами мохнатые лапы, и к железным прутьям прикинула голову, украшенная двенадцатью лошадиными глазами. Сдавленный голос прошипел:

— К вашим услугам, флагман Макомбер.

— Рекомендую, Рамкэг, — сказал флагман. — Это Ваня, наш молодой друг, о котором мы уже имели честь вам рассказывать...

— Мировой парены! — подхватил Двуглавый Юл. — С пеленок его знаю!

— Весьма польщен, — прошипел сдавленный голос.

— А это Рамкэг, — продолжал флагман Макомбер. — Наш собрат по плену.

— Один из братьев, — поправил его Рамкэг. — Нас здесь не менее двухсот.

— Да, несомненно. Так вот. Рамкэг — представитель цивилизации носителей разума, населяющих эту планету. Между прочим, соотечественник известного тебе Искусника Крэга...

— Так называемый Искусник Крэг — выродок, — прошептал Рамкэг.

— Постойте! — воскликнул Ваня. — А разве это неправда — что Искусник Крэг был изгнан со своей планеты за доброту?

— Истинная правда, — ответил Рамкэг.

Наши деды изгнали его за совершенно исключительную и подлинно самоотверженную доброту к самому себе.

Ваня захлопал глазами. Двуглавый Юл хлопнул его по плечу и загоготал в две глотки.

— Я тоже вот так же варезку раскрыл, когда это услышал, — сказала его правая голова. — Мы-то из кожи вон лезли — хоть глазком полюбоваться на народец, который такого отпетого мерзавца, как этот Крэг, за доброту изгоняет!..

Флагман Макомбер вежливо осведомился:

— Вы мне позволите продолжить, Юл?

— Валяйте, флагман, валяйте, — благодушно отозвалась левая голова. — Это я так... Очень уж потешно Ванька глаза вылупил...

— Так вот, коллега Рамкэг, — сказал флагман Макомбер. — Я взял на себя смелость беспокоить вас вот по какому поводу. Сейчас я вкратце изложу нашему юному другу все, что вы сочли возможным сообщить мне и Юлу о вашем мире, о вашей планете, куда мы столь несчастливо попали, а вы поправите меня, если я ошибусь, или дополните, если я пропущу что-либо, имеющее по вашему мнению значение. Я не очень затрудняю вас?

— Буду рад служить вам, — с достоинством прошипело двенадцатиглазое чудище.

Вот что узнал Ваня.

Планета называлась Спайда, а населявшие ее носители разума именовали себя спайдерами. Она с бешеной скоростью обращалась вокруг невидимой нейтронной звезды, рентгеновское излучение которой, поглощаясь в верхних слоях весьма плотной атмосферы, сообщало местным небесам ровное освещение — днем поярче, ночью потусклее. Между прочим, освещение это ни днем, ни ночью не мешало обитателям Спайды любоваться мириадами спутников — обломков развалившейся некогда огромной луны..

По какой-то причине рыбы мелких и тепловодных океанов Спайды так и не сумели выбраться на сушу, и помимо обильной и разнообразной растительности на материках обитали только членистоногие. Миллиард лет сухопутной эволюции привел к появлению всепланетного разума, а затем и цивилизации спайдеров, корнями своими уходящей в глубь времен по крайней мере на сто миллионов лет.

Еще на заре своего цивилизованного существования, может быть, оттого, что спайдеры живут сотни тысячелетий, они освоили идею о том, что каждый носитель разума, особенно пожилой, является бесценнейшим сокровищем коллектива. Из опыта борьбы за существование родилась доброта, и самые древние предания утверждают, что в години бедствия первобытные спайдеры спасали прежде всего своих стариков, а потом уж молодняк и в последнюю очередь яйца.

Спайдеры научились выращивать в пищу исполинские насекомоядные растения, напоминающие, видимо, земную рослянку, сооружать из собственной и синтетической паутины хитроумные сотообразные города, мастерить машины и приборы...

(— В том числе и космические аппараты, — вставил Рамкэг. — Однако, если не считать Крэга-Душегуба, за последний миллион лет никто из нас не покидал планету. У спайдеров давно уже пропал интерес к космосу...)

...Они создали и освоили множество естественных и гуманитарных наук, создали превосходную педагогику и охотно и прилежно философствовали. Насколько можно судить, средний спайдер — существо чрезвычайно уравновешенное, благодушное и доброжелательное.

Исключение составил так называемый Искусник Крэг, он же Крэг-Душегуб. Эта скотина была довольно крупным ученым, работавшим главным образом в области пересадки тканей, а еще он интересовался нелинейными механиками. Примерно полтора миллиона лет назад грянул скандал: один за другим исчезли пятеро ассистентов Крэга. Было наряжено следствие. Останки исчезнувших обнаружили в заброшенных помещениях неподалеку от его лаборатории. Выяснилась небывалая и страшная вещь: Крэг оперативным путем изымал из своих жертв жизненно важные органы и пересаживал их в свой организм в качестве органов-дублеров высокой надежности.

Вся Спайда была потрясена. Цивилизация, главный принцип которой гласил: «Умри сам, а соседа спаси», растерялась. Непонятно было, как поступить с преступником. Смертной казни на планете не было никогда. На предложение покончить с собой Крэг ответил категорическим отказом. Тогда решено было изгнать Крэга. Специальная комиссия из сорока заслуженных спайдеров молча наблюдала, как отщепенец грузил на космический корабль горючее, запас продуктов, лабораторное оборудование и библиотеку. Затем он поднялся на борт, крикнул: «Я еще вернусь, слизняки! Ждите!» — и захлопнул люк. Корабль улетел, самой большой мусорной свалке на Спайде присвоили имя Крэга-Душегуба.

А Крэг вернулся. Триста тысяч лет назад он высадился на Спайде с эскадрой из пяти космических дредноутов и привел с собой это чудовище алчности и жестокости, Великого Спрута, а также целый полк головорезов-тарантулов, целую контору административного отребья всевозможных рас и пород и целую толпу затюканных до полусмерти рабов и слуг. И великой цивилизации спайдеров пришел конец. Наступило черное время владычества Великого Спрута.

Нет и не было во все времена и во всех пространствах более меланхолической и миролюбивой расы, нежели спайдеры. Каждый из них

готов был умереть за каждого, но они не умели и не хотели драться. Правда, передняя пара лап у спайдера оканчивается ядовитыми когтями — рудиментом незапамятных веков, когда предки спайдеров обитали на дне океана, — но никто и помыслить не мог пустить в ход это ужасное средство хотя бы для самозащиты.

Бешеный артиллерийский разгром нескольких городов навсегда подавил их робкие попытки протестовать и сопротивляться. Власть беспощадных и скорых на расправу пиратов сделалась абсолютной. Кое-кто бежал в леса — их выслеживали с воздуха и истребляли инсектицидами. Другие пытались укрыться в открытом океане — их топили словно бы для развлечения. Третьи объявили сидячую забастовку — их облили напалмом и сожгли заживо...

(— Но это было давно, — снова вмешался Рамкэг. — Теперь никто лапой не смеет пошевелить. Чуть что — негодяи грозятся залить мазутом инкубаторы, в которых выводятся маленькие спайдеры, или взорвать тротильные мины, заложенные под площадки для молодняка. А лет десять назад они потехи ради обрушили массу соленой воды в котлован, в котором тысячи наших самок готовились к несению яиц...)

Одним словом, несчастная Спайда живет ныне во мраке непрекращаемого злодейства. Правда, массовые избиения как будто прекратились. Великий Спрут вкупе с предателем Крэггом и оголтелой Конопатой Сколопендрой действуют по отношению к спайдерам по принципу одного нашего древнего диктатора: «Хякусё коросадзу икасадзу» — «Не убивай холопа, но и жить ему не давай».

— Таково положение, — заключил свой рассказ флагман Макомбер.

Ваня был ошеломлен. У него голова кругом шла от всех этих жестокостей и умертвий, и никак не укладывались в сознание все эти миллионы и сотни тысяч лет. Он прокашлялся, потряс головой и сказал:

— Надо помочь.

Флагман Макомбер пожал плечами:

— Разумеется! Иначе наше пребывание здесь теряет всякий смысл. Но необходимо все тщательно продумать и взвесить...

— А я так хоть сейчас готов! — объявил Двуглавый Юл и принялся с оттяжкой откидывать назад ногами мусор, скопившийся на полу.

— Какой удалец! — благоговейно прошипел Рамкэг.

Ваня невольно хихикнул, а флагман Макомбер нетерпеливо произнес:

— Не валяйте дурака, Юл. Сядьте, пожалуйста. Поговорим серьезно. Какие есть вопросы?

— Вопрос такой, — сказал Ваня. — Где мы, собственно, сейчас находимся?

Сразу же после захвата Спайды бандиты принялись устраивать себе уютное гнездышко.

Поскольку Великий Спрут питал отвращение к океанским просторам (и к просторам вообще), место было выбрано на плоскогорье в центре самого обширного материка. В течение нескольких лет была сооружена крепость, на строительстве которой погибли от истощения многие тысячи спайдеров, а выжившие были перебиты для сохранения тайны. Крепость пышно назвали Цитаделью. Та часть Цитадели, которая выступает над плоскогорьем, имеет вид уступчатой пирамиды в сотню метров вышиной, сложена она из обтесанных базальтовых блоков, на верхних уступах размещены пушки и ракетные установки, снятые с космических дредноутов. В подвальных этажах Цитадели, как водится, оборудованы склады, тюрьмы и пыточные камеры. Мы находимся как раз в одном из этих подвальных этажей. Выше располагаются казармы и кантины для тарантульего воинства, еще выше — лаборатории Искусника Крэга и зловонное обиталище Конопатой Сколопендры, а на самом верху — апартаменты Великого Спрута. Судя по всему, взять Цитадель снаружи невозможно, если не применять запрещенные виды боевой техники — вроде ядерных снарядов или излучателей антиматерии. Взять же Цитадель изнутри...

— Между прочим, — сказал флагман Макомбер, — а чем вооружены тарантулы? Тюремный смотритель, который здесь шляется, таскает на себе какой-то меч или палаш...

— Я знаю! — произнес вдруг Двуглавый Юл. — Насчет этого, ребята, я могу вам все доподлинно обсказать. Имею кое-какой личный опыт, да и здесь уже кое-что подметил.

Двуглавый Юл обсказал весьма любопытные и важные вещи. Оказывается, огнестрельного оружия тарантулы не знают и знать не хотят. Пушки, ракеты и торпеды в пиратской армии Великого Спрута обслуживаются богомолами, единственными из его наемников, кто имеет что-то похожее на руки. Тарантулы же — мастера ближнего боя, виртуозы рукопашной, им бы только сойтись с неприятелем вплотную... Во-первых, у них ядовитые челюсти, не слабее, чем у Конопатой Сколопендры. Во-вторых, рубящим и колющим оружием они тоже не пользуются, держать нечем, а этот урод-смотритель таскает свой меч или там палаш скорее всего ради понта. Оружие у тарантулов страшнее, чем всякие мечи-палашы-кинжалы...

(— Так, именно так, — удрученно прошипел Рамкэг.)

Как все членистоногие, тарантулы дышат трахеями. А трахеи у них, особенно на брюхе, будь здоров, палец просунуть можно. Так вот, в отверстия этих трахей, в так называемые стигмы, вставляются духовые трубки, заряженные такими железными гарпунчиками с зазубренным острием, по пять, а то и по десять трубок на брата. В нужный момент тарантул резко сокра-

щает мышцы у себя в брюхе, воздух в трахее предельно сжимается и с силой выдувает из трубки гарпунчик по врагу. Ему, Двуглавному Юлу, приходилось на Планете Негодяев своими глазами видеть, как тарантул пробивал таким гарпунчиком сантиметровую доску на двадцати шагах. А уж воткнется этот гарпунчик в тело — его назад только вместе с кишками вытащишь...

(— Так, так, именно так! — шипел Рамкэг.)
Вот чем вооружены тарантулы.

— Понятно, — сказал флагман Макомбер. — Вы сами видите, друзья, нам есть над чем подумать. Совершенно не исключено, что в создавшейся ситуации наилучшей тактикой будет выжидание...

— Выжидание! — презрительно отозвался Двуглавый Юл. — Я на вас удивляюсь, флагман! Чего ждать-то? «Гречко»? Так он, может, и вообще не придет... Застрыл где-то между «матрешками»... или след наш потерял. Пятые сутки пошли!

— Я понимаю ваше нетерпение, милый Юл, — с необычайной мягкостью сказал флагман Макомбер. — Но в отношении космохода я настроен более оптимистически. Вы обратили внимание на то, что вторжение Великого Спрута на Спайду произошло триста тысяч лет назад? А с Планеты Негодяев он удрал двадцать лет назад. Даже принимая во внимание факторы, нам неизвестные, напрашивается вывод, что время в этом пространстве течет в десятки тысяч раз быстрее, нежели в нашем. За эти четверо суток там, у нас, прошло не более минуты. И хотя мне лично почти ничего не известно о межпространственных перемещениях, я совершенно уверен, что наш «Гречко» движется к нам и непременно будет здесь самое большее через неделю...

Воцарилось молчание. Ваня встал и нервно заходил по клетке. Двуглавый Юл безнадежно махнул рукой и уселся на кучу мусора. Рамкэг печально шипел и шуршал за решеткой. Вдруг Ваня остановился перед ним и спросил:

— За что вас заключили в тюрьму, Рамкэг?

— Нас, спайдеров, сажают в тюрьму не за что, а почему, — тихо прошипел Рамкэг.

— Ладно, почему. Так почему вы сидите в тюрьме, Рамкэг?

— Потому что мы пища. Завтра у пиратов Сытная Пятница. Рано утром всех нас, двести спайдеров, по двое и по трое отведут на поварню и изрубят на куски.

Глава одиннадцатая

Ваня сел. Флагман Макомбер вскочил на ноги. Только Двуглавый Юл остался на своей мусорной куче и принялся кивать обеими головами, словно бы говоря: «Ну вот, так я и знал! А вы тут рассусоливаете...» Флагман Макомбер

посмотрел на Ваню. Ваня глядел на него с упреком. Флагман посмотрел на Рамкэга. Рамкэг глядел на него с видом полной покорности судьбе. Флагман снова сел.

— Гм... — произнес он. — Что же вы раньше молчали, коллега Рамкэг! Это, разумеется, несколько меняет дело.

— Мы не будем сидеть и смотреть спокойно, — горячо сказал Ваня, — как погонят на убой носителей разума!

— Две сотни штук! — напомнил Двуглавый Юл.

— Гм... — повторил флагман Макомбер. — Придется драться. Но шансов у нас прискорбно мало...

— Ха! — воскликнул Двуглавый Юл. — Шансов мало! А много ли было у нас шансов, флагман, когда мы с вами дрались в подземельях Планеты Негодяев?

— Будем драться, — решил флагман Макомбер. — Ну, в крайнем случае погибнем, так когда-то же надо...

— Мужественно погибнем! — подхватил Двуглавый Юл.

— Народ Спайды никогда вас не забудет! — прочувствованно прошипел Рамкэг и из всех его двенадцати глаз полились слезы.

Двуглавый Юл немедленно накинулся на него.

— Только не воображайте, будто вы будете отсиживаться по клеткам! — заорали наперебой обе его головы. — Драться будем все вместе! Один за всех, и все за одного! Что у вас там — ядовитые когти? Даешь ядовитые когти! Долой идиотские предрассудки! Смело пускать когти в ход! Во имя свободы! Чтобы ни один мерзавец не ушел от вас! А знаете ли, кто поведет вас в бой и к победе? Сам флагман Макомбер! Самый искусный полководец самой драчливой планеты во всех вселенных! Испытанный во множестве сражений! И я вас поведу, Двуглавый Юл, тоже испытанный! И вот этот парень, Ваня! Хотя ему еще не приходилось сражаться, но его воспитывали лихие вояки — Атос, Портос и Арамис! Так что он тоже не подведет! Готовьтесь к бою, спайдеры! Точите ваши ядовитые когти! Вспомните о счастливых годах вашей цивилизации! Не бойтесь смерти в бою — она прекрасна! Не то что на поварне! Исполняйте решимости!

Голоса его гулко раскатывались по всей тюрьме, и сначала замерли в своих клетках обреченные узники, потом зашипели и зашуршали, прижали голову к решеткам, а когда Двуглавый Юл умолк, запыхавшись, отовсюду понеслось свистящее поземкой:

— Мы готовы! Ведите нас, земляне! Веди нас, полководец Макомбер! Веди нас, Двуглавый Юл! Положись на нас, храбрый парень Ваня! Победа или смерть! Мы вонзим наши когти в ненавистного врага!

И тут же из всех клеток послышались зловещие чиркающие звуки: спайдеры принялись точить свои когти.

— Что значит хорошая зажигательная речь! — гордо сказал Двуглавый Юл.

— Еще лучше хороший зажигательный пример, — осадил его флагман Макомбер. — Для начала необходимо открыть клетки и вывести спайдеров в коридор.

— Для начала нам самим надо выбраться из клетки, — проворчал Двуглавый Юл.

— А что сказал д'Артаньян? — лукаво произнес флагман Макомбер.

— Он много чего говорил, — отозвался Ваня, улыбаясь.

— Кто это такой — д'Артаньян? — осведомился Двуглавый Юл.

— Лучший друг Атоса, Портоса и Арамиса, — ответил флагман.

— Никогда о нем не слышал, — проговорил Двуглавый Юл.

— Это не суть важно, дорогой Юл... А дело в том, что в аналогичных обстоятельствах д'Артаньян сказал: «Эта мышеловка была достаточно прочна для двоих, но для троих она уже слабовата». По моим расчетам примерно через час должен явиться этот тип — тюремный смотритель. Его надо заманить к нам в клетку.

— Вас понял, — проговорила левая голова Двуглавого Юла.

— Ох-х-х, ох-х-х, ох-х-х... — восторженно-испуганно пропыхтел Рамкэг.

И смотритель своевременно появился, старый подслеповатый тарантул, потерявший в каких-то давно забытых драках две ноги и половину морды, и Двуглавый Юл окликнул его и попросил добавочную порцию жратвы в обмен на золотую цепь, и смотритель, натурально, пожелал взглянуть на эту цепь, а Двуглавый Юл предложил ему искать дураков в другом месте, цепь же будет предъявлена против жратвы, а без жратвы не видать смотрителю этой цепи, как своих... гм... как своей спины. Сразу было видно, что смотритель либо никогда не имел дела с землянами, либо привычка к абсолютной власти над узниками вошла в его плоть и кровь. Не теряя ни секунды драгоценного времени, он отомкнул замок стержневым ключом, прикрученным к его единственному уцелевшему жвалу, распахнул дверь и молча ринулся на Двуглавого Юла. Тут-то и бросились на него с двух сторон флагман Макомбер и Ваня. В два счета тарантула перевернули на спину, расчленили за лапы посередине клетки (Рамкэг и сосед слева поднатужились и отпустили на это дело по десятку аршин отборной паутины) и забили ему ядовитую пасть мусором, чтобы не орал без толку.

Флагман Макомбер снял со смотрителя двуручный меч с обоюдоострым лезвием, Двуглавый Юл отвязал от тарантульего жвала ключ,

и друзья выскочили в коридор. В клетках возбужденно шипели и пыхтели спайдеры, подскакивали на задранных углах мохнатых лапах, блестя лошадиными глазами.

Немало, ох, немало времени понадобилось для того, чтобы освободить и вывести в коридор всех узников. Двуглавый Юл взмок, бегая от двери к двери, — шутка сказать, отомкнуть двести замков! Ваня подхватывал спайдеров, ошалевших от нетерпения и готовых мчаться, куда глаза глядят, и подталкивал их к флагману Макомберу, который выстраивал их шеренгами, похлопывал по щетинистым головогрудям и произносил ободряющие слова. Наконец построились — плотной колонной в сорок шеренг по пяти чуть ли не на всю длину тюремного коридора. Земляне встали во главе колонны перед закрытыми воротами. Ваня туго намотал на правый кулак свой кожаный пояс с металлическими бляхами, а Двуглавый Юл ничем не стал вооружаться — стоял и сжимал и разжимал костлявые кулаки.

Флагман Макомбер повернулся лицом к шеренге.

— Друзья! — негромко произнес он.

Стало тихо, только неровным зуденьем слышалось взволнованное дыхание через бесчисленные трахеи.

— Друзья! — произнес флагман Макомбер. — Сейчас мы вступим в бой. Там, за воротами тюрьмы, нет никого, кроме наших врагов. Пощады не ждите, и потому сами не давайте пощады. Возможно, мы все погибнем, но все равно, заря свободы встанет сегодня над Спайдой!

Он повернулся к Двуглавному Юлу.

— Ворота! — приказал он.

Двуглавый Юл выбежал вперед и откатил широкую воротину.

За воротами открылся ярко освещенный тоннель с влажными от пахучей слизи стенами. А поперек тоннеля, во всю его ширину, неподвижно, безмолвно, грозно стоял тупым концом вперед строй тарантулов.

Глава двенадцатая

— Кажется, нам конец, — с отвращением произнес флагман Макомбер.

Ваня всей спиной почувствовал, как подалась назад колонна спайдеров.

— Привет, голубчики! — глумливо проскрипела Конопатая Сколопендра, поднимая верхнюю часть туловища над строем тарантулов. — Не ждали, а?

И сейчас же где-то под потолком тоннеля раздался жирный голос:

— Кончай с ними, Конопатая! В гробу я видел таких заложников. Сдохни, Двуглавый! Сдохни и ты, храбрый сопляк! Ты слишком храбрый, что-

бы дозреть до старости... И ты сдохни, флагман Макомбер, у меня от тебя голова болит! Кончай их, Конопатая ведьма!

Теперь представьте себе эту картину. Поперек тоннеля стоит боевой строй тарантулов, из шеренг которого высовывает свою гнусную башку Конопатая Сколопендра. В двадцати шагах перед их фронтом стоят флагман Макомбер с мечом и Ваня, за ними, стиснутая решетчатыми стенами тюрьмы, теснится зыбкая колонна спайдеров. А слева, если смотреть со стороны Вани, еще держится за откинутую воротину Двуглавый Юл.

— Впрочем,— произнес флагман Макомбер, едва замолк голос Великого Спрута,— сделаем, что сможем.

И тут Ваня выскочил вперед. Он ведь был прирожденный артист, этот Ваня, что бы ни думал о нем Атос. Он весело и угрожающе запел:

А как известно, мы —
Народ могучий
И не выносим
Мерзости паучьей,
И любим мы трясти
Паучью души...

(— Ваня, Ваня! — укоризненно прошептал флагман Макомбер. — Как тебе не стыдно! Ведь спайдеры тоже в некотором смысле пауки...

— Ничего, ничего, пусть поет, это он про тарантулов! — прошипел за его спиной Рамкэг.)

Пусть они скрипят,
Пусть они скулят,
А ты послушай! —

пел Ваня, на ходу переиначивая песенку из любимых своих «Бременских музыкантов». —

Мы раз...
Мы бо...
Мы бойники!
Разбойники! Разбойники!
Раз в глаз,
И вы покойники!
Покойники! Покойники!

Невооруженным глазом было видно, что тарантулы слегка обалдели. Конопатая Сколопендра застыла, выпучив свои гнойные бельма. Ваня пел:

А кто увидит нас,
Тот сразу ахнет,
И для кого-то
Жареным запахнет
И кое-что
За пазухой мы держим...

(— Правильно, Ванька! Давай! — восторженно шептал Двуглавый Юл. — Давай, все правильно!

Да, было, было кое-что за пазухой, только Ваня этого не знал, а Двуглавый Юл знал отлично!..)

Ну-ка, пауки!
Ну-ка, дураки!
Держись, невежи!

Тарантулы, да и сама Конопатая Сколопендра, словно замороженные, глядели на поющего Ваню. Такого они еще не видавали. Противник не сражается, не просит пощады, не кланится выпить и закусить, а что-то такое воет, это надо же! А флагман Макомбер — не даром был он выдающимся полководцем самой драчливой планеты во Вселенной! — потихоньку разводил передовые шеренги спайдеров по флангам. Перед тупым углом тарантульего строя образовывался вогнутый строй — в миниатюре это становилось похоже на построение войск Александра Невского перед «свиный» тевтонских псов.

А Сколопендру мы

В гробу видали!... —

пропел с соответствующими телодвижениями Ваня. И тут Сколопендра вынырнула из транса. Она зашипела, забрызгала ядом и одним неуловимым движением перелилась через передние шеренги своих головорезов. Ее всю трясло от ярости.

— Я сама!.. — исступленно бормотала она. — Сама! Я их сама... Мальчишка будет первым!

Она изогнулась, готовясь к смертельному прыжку. Ваня побледнел, замолчал и стал отводить кулак, обмотанный ремнем. Флагман Макомбер встал рядом с ним и поднял меч. И в то же мгновение Двуглавый Юл гаркнул в обе глотки:

— Эй, ты, дрянь! А ну, повернись ко мне!

Он сорвал с правой своей головы черную повязку.

Дальше счет пошел на секунды.

Когда-то, еще первоклашкой, выслушав в сотый раз от своего загадочного двухголового друга легенду о взятии Планеты Негодяев, Ваня спросил его, как он относится к Великому Спруту сейчас, когда все уже позади. Двуглавый Юл ответил на своем кухонно-пиратском жаргоне:

— Я его терпеть ненавижу, не то чтобы что.

— Почему? — с любопытством осведомился Ваня. — Ведь ты сам бывший пират.

— То-то и оно! — сразу отозвалась правая голова. — Да, я был пиратом. Грабил, пленял, убивал. Лил кровь всех цветов и оттенков. Но при этом я сам рисковал жизнью, у меня вся шкура в дырах, подо мной три корабля пошли ко дну, обломки их и по сю пору носятся где-то на границах обозримой Вселенной... А эта скотина Великий Спрут сидел жирным мешком в своем медном купоросе и только денежки подсчитывал... Эксплуататор!

Униженно кланяясь, представал он перед Галей, любящей и нежной Ванькиной мамой, нелов-

ко подносил ей самодельные натюрморты из голотурий, морских звезд и морских ежей, но так и не дождался от нее ничего более любезного, нежели холодная улыбка и холодные слова благодарности. Нет, так и не забыла ему Галя ни похищения через экран телевизора, ни грязного карцера, ни угрозы быть сожранной заживо. И допустила его дружбу с младшим сыном только под настойчивым нажимом добродушного мужа и старших сыновей...

— Ты знаешь, Ванька,— как-то сказал задумчиво Двуглавый Юл своему маленькому закадычному другу,— тысячи лет болтался я по Вселенной и ни разу не встретил никого, похожего на меня. Решительно не знаю, откуда я взялся. Носитель разума без родины— подумать только! Самое раннее воспоминание мое— держит меня на теплых щупальцах старая полипиха с планеты Желтых Трав... Я там побывал спустя несколько веков, разграбил и сжег один тамошний город... Да, добрая она была старуха, кормила меня полупереваренной хлореллой, без нее я бы сдох, конечно. А обретались мы в трюме у знаменитого тогда работаргольца, Кровососа Танаты. Потом в трюме разразилась чумка, Кровосос Таната приметил меня и взял к себе каютным слугою. Бил он меня зверски и укатал бы на смерть, да тут команда взбунтовалась, Танату бросили в реактор, и сделался я юнгой на пиратском корабле... И пошло, и пошло. Вот. А родины своей я так и не знаю. Сначала спрашивал— у приятелей по налетам, в кабаках, у пленных, а потом и спрашивать бросил, никто не знает. Так-то вот, друг мой Ванька...

Счет пошел на секунды.

Напомним еще раз диспозицию.

Поперек тоннеля, ведущего от ворот тюрьмы, тупым углом вперед стоит строй тарантулов.

В двадцати шагах перед ним стоит вогнутый строй спайдеров.

Перед строем тарантулов пригнулась к прыжку разъяренная Сколопендра.

Перед строем спайдеров стоят готовые к смертельной схватке флагман Макомбер с поднятым мечом и Ваня с кулаком, отведенным назад для встречного удара.

А слева, правым боком к ним, стоит у откинутой воротины Двуглавый Юл.

— Эй, ты, дрянь! А ну, повернись ко мне! — гаркнул он в обе глотки и сорвал с правой головы черную повязку.

И пораженный Ваня увидел: из пустой правой глазницы выдвинулся вороненый ствол пулемета.

На крик Конопатая Сколопендра круто повернулась к Юлу.

— Первым хочешь ты быть? Изволь!.. — просипела она.

Последнее, что в своей многовековой злобной жизни увидела Конопатая Сколопендра, было черное дуло, уставившееся на нее в упор. Затем из дула брызнуло сине-багровое пламя, загремела длинная очередь, и из правого уха правой головы Двуглавого Юла посыпались, звонко ударяясь о каменный пол, горячие гильзы.

Так и кончилась в одночасье Конопатая Сколопендра, длинное многоногое туловище, битком набитое страхами и неистовой злобой. Гнилыми клочьями разлетелись крытые хитином сегменты, и грохнулась на пол срезанная пулями тупая башка, бессильно грызя камень грязными от яда серповидными челюстями.

— Сарынь на кичку! — взревел в две глотки Двуглавый Юл и полоснул второй очередью по тарантулам.— Вперед, братишки-спайдеры.

Но тарантулы уже поднялись на задние лапы. «Пшшш! Пшшш! Пшшш!» — ударили духовые трубки. В страшной тишине после пулеметного грома было отчетливо слышно, как железные гарпунчики с мягким треском пробивают грудь Двуглавого Юла, и Ваня с отчаянием увидел: друг детства его, бывший вольный пират и незаменимый вратарь Нарьян-Марской любительской команды качнулся под смертельными ударами, попятился и упал.

И умер Двуглавый Юл.

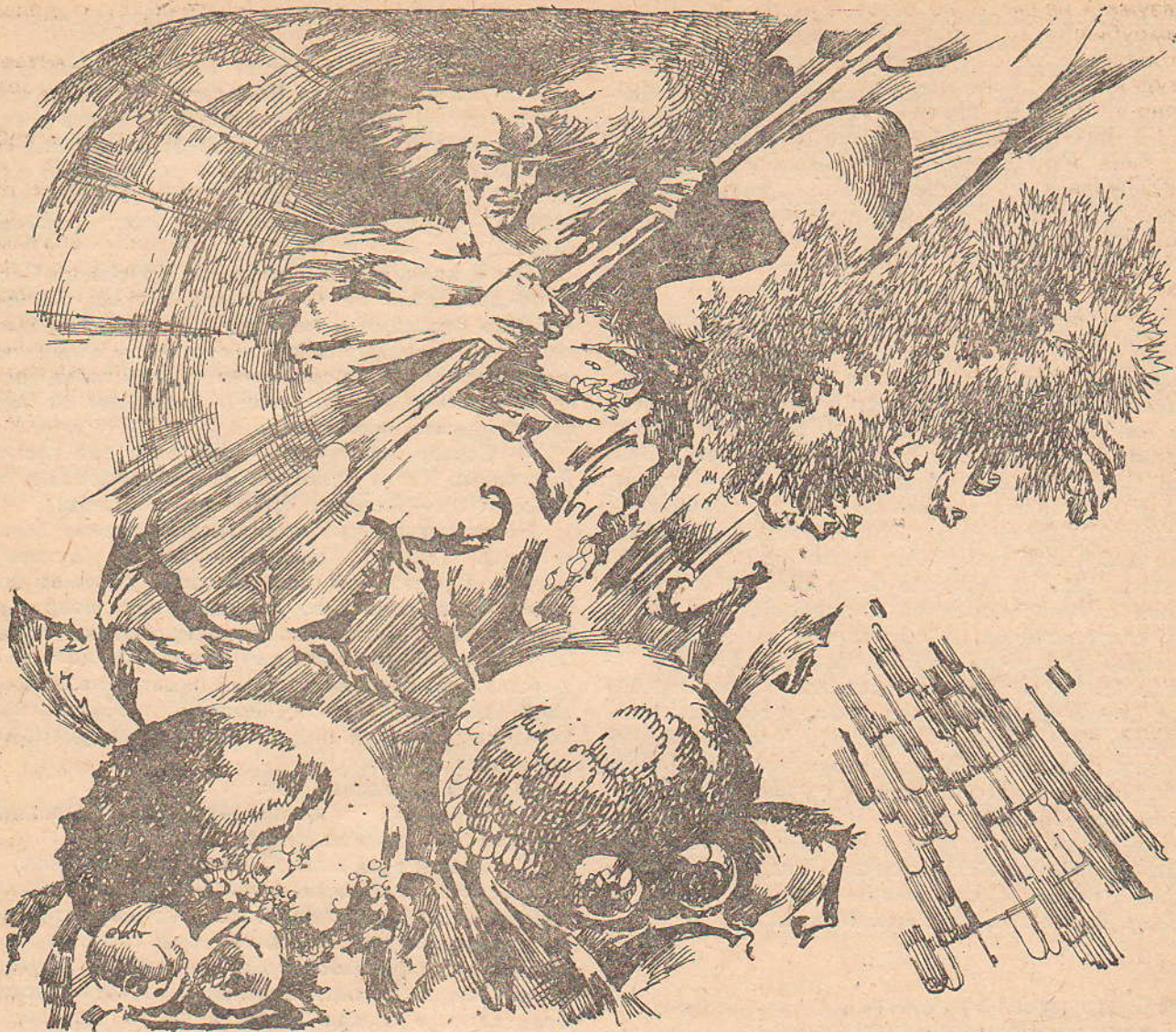
— За мной, в атаку! — произнес флагман Макомбер и зашагал вперед.

Спайдеры всей массой двинулись на врага.

Сошлись в воротах. Ну и бой начался! Знатный бой. Спайдеры пошли жестоко и яростно. То ли зря свободы, зажженная в их сердцах землянами, то ли самоотверженная гибель Двуглавого Юла, то ли тысячелетняя ненависть к поработителям, а скорее всего, и то, и другое, и третье вместе, но погасло в одно мгновение в их душах миролюбие и смирение, и отвращение к убийству. Тупой угол тарантульного строя был мгновенно стиснут с флангов. Бешено заработали ядовитые когти. Острые угла искрошил мечом флагман Макомбер и размазал по полу Ваня — сила кулака его равна была удару задней ноги лошади, и головогруды тарантулов расквашивались под ним, как тухлые яйца под сапогом. И тесно-тесно сделалось в тоннеле.

— Не давать им отрываться! — хрипел флагман Макомбер, работая мечом.— Гонитесь за ними по пятам!

Победа далась удивительно легко. Лишившись вождых, впервые за много тысяч лет встретившись с достойным противником, тарантулы с каждой минутой дрались все более вяло и неуверенно. Затем они побежали. Добивая удиравших (пленных не брали), спайдеры рассыпались по закоулкам и переходам. Сейчас же

поднялись разноплеменные рабы, обслуживавшие Цитадель. Мечущихся в поисках спасения охранников и холуев рубили вручную, и запыхавшийся Рамкэг, со свистом дыша через тысячи своих трахей, пошутил с мрачной наивностью одного средневекового автора, что туши их жирны и хорошо удобряют почву планеты...

Однако, стоп. Не стоит утомлять читателя описанием жестокостей этой уникальной битвы. Восставший угнетенный всегда прав, и этим все сказано. Да и в памяти у Вани сохранилось весьма немного. Она ведь милосердна бывает, память человеческая.

Вот он бежит по широкому, ярко освещенному коридору. В руках тяжелая секира. (Откуда, как попала в руки?) За ним, не отставая ни на шаг, мчится Рамкэг и мчатся еще два взъерошенных спайдера, они волочат с собой како-

го-то холуя, отвратительного пупырчатого слизня, непрерывно извергающего со страху вонючий помет. Кто-то бросается на Ваню сбоку. Какая-то тварь — то ли гигантский скорпион, то ли рак... Ваня, не останавливаясь, бьет наотмашь секирой — тварь с треском разламывается, на колени выплескивается коричневая жижа...

— Где? — задыхаясь, кричит Ваня.

— Здесь, здесь! — пищит слизень.

Дверь. Заперто. Удар секирой. Еще раз, еще раз... Дверь исчезает. В лицо — дикая кислотная вонь, от которой слезы выскакивают из глаз. Вот оно, логово Великого Спрута. Ах, поздно... Жирными червяками корчатся на ковре щупальца, покрытые жадно зевающими присосками и роговыми крючьями. Насмерть перепуганный сине-фиолетовый раб трясущейся рукой псказывает... Великий Спрут, весьма деловой носитель

разума и неимоверно богатый мерзавец, кончил самоубийством — обкусил себе все щупальца и утопился в унитазе. Ваня смотрит на жирную студенистую тушу, плюет и спускает воду. Кончено с Великим Спрутом.

— Ваня, сюда! — шипит за спиной Рамкэг.

Ваня оборачивается. Вояки-спайдеры намертво зажали в углу своего соотечественника, жирного спайдера в двенадцатилинзовых очках в золотой оправе.

— Крэг-Душегуб, — коротко сообщает Рамкэг.

Искусник Крэг поправляет очки и обращается к Ване.

— Прошу оградить меня от произвола этих пошляков, — с достоинством произносит он. — Я могу, я очень могу, я бесценен, я ученый и изобретатель. Я могу пригодиться любой расе и любой власти. Мозг мой является хранилищем множества тайн о природе и духе, я пригоден для служения любой цивилизации!

Рамкэг бесстрастно глядит на Ваню.

— Что? — подавляя бешенство, говорит Ваня. — Что вы на меня смотрите, Рамкэг? Кончайте эту гадину, не валяйте дурака!

Многому, ох многому научился Ваня за несколько минут экспедиции в преисподнюю.

Три пары ядовитых когтей погружаются разом в лысую спину Искусника Крэга. Короткий визг... Все. Нет больше изобретателя контрактора, машин на мозгах носителей разума и еще многих других подлостей. Позорно издох предатель родной планеты, виновник мучительной гибели мириад соотечественников, подлый холуй подлого диктатора. И да будет эта бесславная смерть назиданием всем разумным существам в огромном и разнообразном мире!

И еще помнит Ваня.

Они стоят на верхнем уступе Цитадели. Тупо и бессмысленно торчат в разные стороны лазерные пушки и ракеты на лафетах, валяются возле них изрубленные и искусанные богомолы, у стены выстроились, задрав углами мохнатые лапы, усталые и потрепанные победители. Тут же лежит накрытый белым шелковым покрывалом труп Двуглавого Юла. А над головой, в серо-зеленом небе ползут неправильные белые пятна — спутники Спайды, обломки развалившейся некогда огромной луны. А внизу, насколько хватает глаз, бурая шевелящаяся равнина, тысячи тысяч спайдеров, сошедшихся к Цитадели.

Флагман Макомбер отбрасывает испачканный меч и трясущейся ладонью вытирает лоб.

— Ваня, — произносит он. — Ты должен им что-нибудь сказать.

— Почему же я? — вяло возражает Ваня. — И что говорить?

— Ваня, — строго произносит флагман Макомбер. — Надо!

Ваня делает несколько шагов и останавливается на самом краю уступа.

— Товарищи! — кричит он и прокашливается. — Граждане Спайды! Самки и самцы! Мы, земляне, приветствуем...

И тут его прерывают. Громовой голос с неба гаркает:

— Эй, где вы там! Флагман, Ванька, Юл, отзовитесь!

И с серо-зеленого неба, расталкивая крутыми боками обломки древней Спайдовой луны, пошел спускаться прямо на Цитадель межпространственный космолет «Гречко», стометровый уют из лучших земных сплавов, ошетиженный гравитонными пробойниками, с биопарализатором в боевом положении.

— Ну, вот и все, — произносит флагман Макомбер.

Эпилог

Прекрасен и обычен на планете Земля и в ее окрестностях был день 15 ноября 2222 года нашей эры, от начала же Великой Революции 305-го.

Атмосферники весело раскрутили коварный тайфун «Катенька» в обратную сторону.

Работники Мадридской лаборатории биосинтеза запустили в жизнь инфузорию с белком на германиевой основе.

Во Внукове, на окраине Москвы, открыли мемориал Чести и Славы Российской, работы знаменитого Сиверса.

У берега острова Сокорро выбросили в подпространство еще восемьдесят тонн древних радиоактивных отходов.

Замяукали и закричали сотни тысяч новорожденных, будущих врачей, учителей и воспитателей, мастеров, ученых и спортсменов, и — чего только не бывает? — великих писателей, художников и философов.

В купольном городе на Венере молодая мама отшлепала по попке свою десятилетнюю дочь, создавшую робота, который писал за нее сочинения по литературе.

Уходили в Глубокий Космос и возвращались на родные базы сверхдальние звездолеты, опаздывали на свидания, целовались и ссорились влюбленные; поэты конструировали стихи, а мастера создавали поэмы из металла и электроники; кто-то бесстрашно входил в испытательные камеры, а кто-то с бесконечной осторожностью и с неимоверным терпением обследовал закапризничавшего вдруг младенца...

В этот день на берегу некогда студеного, а ныне и навеки теплого океана справляли свадьбу. Трубадур женился на своей Принцессе. Все было очень скромно, из посторонних присутствовали только флагман Макомбер и спайдер

Рамкэг, стажировавшийся на Земле для овладения теорией и практикой межпространственной связи. Даже из «Бременских музыкантов» кроме жениха и невесты никого не было.

На любой взгляд это была примечательная пара: пепельноволосая красавица-девочка с зелеными глазами в половину лица и седой, как лунь, двадцатилетний парень с лицом, словно бы опаленным страданиями и смертельной битвой. Галя украдкой прижимала к глазам платочек, Портос гулко кричал и усиленно наполнял бокалы, Атос старательно улыбался одними губами, Арамис же время от времени механически вскрикивал «горько!» и в каком-то оцепенении смотрел, как молодые целуются. И при всем при том каждый из присутствующих отчетливо понимал: жить друг без друга Ваня и Тзана не могут.

И вот в разгар этого чинного уныния случилась поразительная вещь.

Ночь была, бесконечная полярная ночь, как вдруг распахнулось окно, и вместе с шорохом волн на пологом галечном берегу в залу влетел черный носатый грач. Сделав круг над столом, он уселся на люстру и сказал:

— Ванька, не дрейфы! Все будет хорошо! Это я тебе говорю, Пупа, он же Пузатый Пацюк! Благославляю тебя с твоею Тзаной. Знай, паршивец этакий, что твой далекий потомок, чудо-доктор Итай-Итай произойдет от твоего брака с нею, от вашей великой любви!

И, сказавши это, грач улетел, и захлопнулось само собой окно. И — ах! как все изменилось за свадебным столом! Но стоит ли об этом?

Кто же он такой, этот Пупа, Пузатый Пацюк? Может быть, пришелец из совершенных миров? Или совершенных времен? Кажется, чего проще — спросить его самого. Да нет, язык не повернется. Да и стоит ли? Время летит, а дел много, ох как много! А праздное любопытство есть проявление бестактности и невежества, самых отвратительных пороков после трусости. Будем же просто счастливы тем, что Пупа, Пузатый Пацюк, на нашей стороне...

Поздно ночью, когда все стихло в доме на берегу океана, Галя и Портос неслышно вышли и сели в самолет. Летели всего час, а летели они на восток, и утро было в разгаре, когда из зеркала Великого океана выросла Черная Скала.

Там, на каменистой вершине, была могила. И на могильную плиту, низко склонившись, мать и отец Вани положили по букету северных цветов.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЕНИСА ДАВЫДОВА

ДИТЯ УДАЛОЕ РОССИИ

Нина
ШИРОКОВА

Рисунок
О. Ашмариной

Утром, вставя ногу в стремя, —
Ах, какая благодать! —
Ты в сегодняшнее время
Умудрился доскакать.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

«Пусть грянет Русь военной грозою, —
Я в этой песне запевало!»

«— Что же ты не пьян нынче? — сказал Несвицкий Денисову, когда он подъехал к нему.

— И напиться-то вгемени не дадут! — отвечал Васька Денисов. — Целый день то туда, то сюда таскают полк. Дгаться так дгаться. А то чег'т знает что такое!

— Каким ты щеголем нынче, — оглядывая новый ментик... — сказал Несвицкий.

— Нельзя, в дело иду! Выбг'ился, зубы почистил и надушился».

Так и хочется добавить — даже к самому Толстому! — любимое выражение Дениса Давыдова: «Атака — любезное дело!» Ради нее стоит выбриться и надушиться...

...Лев Толстой скажет потом в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»: «М. Д. Афросимов и Денисов — вот исключительно лица, которым невольно и необдуманно я дал имена, близко подходящие к двум особенно характерным и милым действительным лицам тогдашнего времени... Все же остальные... совершенно вымышленные и не имеют даже для меня определенных первообразов».

«Васька Денисов был маленький человечек с красным лицом, блестящими черными усами и волосами», —